

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

Издается с 2011 г. Выходит 4 раза в год. Рег. ПИ № ФС77-38716 от 22 января 2010 г.

Учредитель: Издательская группа «Юрист»

№ 4 / 2020

Главный редактор

Гриб Владислав Валерьевич, д.ю.н., профессор, Заслуженный юрист РФ, заведующий кафедрой правовых основ управления МГИМО — Университета, заместитель Секретаря Общественной палаты Российской Федерации, член Президиума Ассоциации юристов России, главный редактор Издательской группы «Юрист», член-корреспондент РАО

Заместитель главного редактора

Туманова Анастасия Сергеевна, д.ю.н., д.и.н., профессор, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Члены редакционного совета

Гриб Владислав Валерьевич, председатель редакционного совета, д.ю.н., профессор, Заслуженный юрист РФ, заведующий кафедрой правовых основ управления МГИМО — Университета, заместитель Секретаря Общественной палаты Российской Федерации, член Президиума Ассоциации юристов России, главный редактор Издательской группы «Юрист», член-корреспондент РАО (главный редактор)

Туманова Анастасия Сергеевна, д.ю.н., д.и.н., профессор, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (заместитель главного редактора)

Автономов Алексей Станиславович, д.ю.н., профессор, проректор по научно-исследовательской работе и международным отношениям Института международного права и экономики имени А.С. Грибоедова

Брэдли Джозеф, доктор истории, профессор истории Университета Талсы (Оклахома, США)

Галас Марина Леонидовна, д.и.н., профессор, главный научный сотрудник Института проблем эффективного государства и гражданского общества

Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

Демичев Алексей Андреевич, д.ю.н., профессор, профессор Нижегородской академии МВД России

Дискин Иосиф Евгеньевич, д.э.н., профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Бекман Йохан, доктор общественно-политических наук, доцент криминологии и социологии права, представитель Российского института стратегических исследований в странах Северной Европы (Финляндия)

Тодд Лефко, доктор истории, профессор Университета Миннесоты, политик, бизнесмен (США)

Малахов Валерий Петрович, д.ю.н., профессор, начальник кафедры теории государства и права Московского университета МВД России

Медушевский Андрей Николаевич, д.ф.н., профессор, профессор

Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Мезаннев Матье, доктор права, профессор, заместитель декана факультета «Право и экономика» Государственного университета Рейоньяна (Франция)

Мерсиянова Ирина Владимировна, к.с.н., доцент, директор

Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора

Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Нижник Надежда Степановна, д.ю.н., профессор,

профессор кафедры теории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России

Панарин Андрей Александрович, президент некоммерческого партнерства

«Образовательный консорциум Среднерусский университет», руководитель Алпарата Российского

профессорского собрания, директор центра цифровых технологий в экономике РУДН, д.ю.н., доцент

Попов Евгений Васильевич, к.ю.н., доцент кафедры правовых основ управления

МГИМО — Университета

Саломатин Алексей Юрьевич, д.ю.н., д.и.н., профессор, профессор Пензенского университета

Сафонов Александр Александрович, д.ю.н., профессор, профессор

Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Сигалов Константин Елизарович, д.ю.н., доцент, директор Центра правового регулирования

финансово-экономических отношений Института проблем эффективного государства и гражданского

общества Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

Смит Дэвид Хортон, профессор социологии Бостон Колледжа (США),

почетный гостевой профессор социологии университета Восточной Англии,

почетный гостевой профессор НИУ ВШЭ и Университета Цинхуа (Китай)

Соловьев Кирилл Андреевич, д.и.н., доцент

Шаблинский Илья Георгиевич, д.ю.н., профессор, профессор

Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Шульга Руслан Юрьевич, к.ю.н. (кафедра теории и истории государства и права

Института международного права и экономики имени А.С. Грибоедова)

Центр редакционной подписки: (495) 617-18-88

e-mail: podpiska@lawinfo.ru

Адрес редакции: 115035, г. Москва, Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7.

Тел./факс: (495) 953-91-08, e-mail: avtor@lawinfo.ru

Подписной индекс:

«Объединенный каталог. Пресса России» — 91889.

Также можно подписаться на www.lawinfo.ru

«Национальная полиграфическая группа».

248031, г. Калуга, п. Северный, ул. Светлая, д. 2.

Тел.: (4842) 70-03-37

Формат 60x90/8. Печ. л. 6. Печать офсетная.

Общий тираж: 1000 экз. Цена свободная. ISSN 2221-3287

Номер подписан в печать: 05.10.2020. Номер вышел в свет: 12.11.2020.

Раздел № 1. Гражданское общество как субъект и как объект контроля

Кирьянов А.Ю. Предпосылки развития контрольных функций гражданского общества как фактор конституционализации негосударственного контроля 3

Раздел № 2. Практики гражданского общества

Гочев Т.Д. Нравственные и правовые нормы: эффективное взаимодействие 6

Сигалов К.Е., Мукиенко И.Н. Основные виды благотворительной деятельности как функциональной составляющей гражданского общества в Российской Федерации 10

Иксанов И.С. Понятие и классификация мигрантов 15

Разумов П.В., Кушеев С.Ю. Проблема правового регулирования авторских прав на произведения, созданные искусственным интеллектом 20

Раздел № 3. Зарубежный опыт функционирования гражданского общества

Кобец П.Н. Латиноамериканское гражданское общество — важнейший субъект противодействия коррупционной преступности 24

Раздел № 4. Гражданское общество в политико-правовой мысли

Тушканов И.В. Идеи В.Ф. Дерюжинского о роли гражданского общества в формировании и проведении социальной политики государства 28

Овчаренко В.В. Значение конституции в политическом учении А.И. Герцена 31

Устинов А.В. Идея федерации национальностей правоведа Ф.Ф. Кокошкина 35

Раздел № 5. Религиозная свобода в современном мире

Сафонов Д.В. Преследования и дискриминация христиан на примере Пакистана 39

Попова Е.Э. Религиозное воспитание осужденных в международных стандартах и национальном законодательстве России 43

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации для публикаций основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

Полная или частичная перепечатка материалов без письменного разрешения авторов статей или редакции преследуется по закону.
Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

CIVIL SOCIETY IN RUSSIA AND ABROAD

Published quarterly since 2011. Reg. PI № FC77-38716 of January 22, 2010. Founder: Publishing Group JURIST

No. 4 / 2020

Editor in Chief

Grib Vladislav Valer'evich, LL.D., Professor, Honored lawyer of the RF, Head of the Legal Management Principles Department of MGIMO-University, Vice-President of the Civic Chamber of the Russian Federation, member of the Presidium of the Association of Lawyers of Russia, Editor in Chief of Jurist Publishing Group

Deputy Editor in Chief

Tumanova Anastasiya Sergeevna, LL.D., doctor of historical sciences, Professor, Professor of the National Research University "Higher School of Economics"

Members of the Editorial Board

Grib Vladislav Valer'evich, Chairman of the Editorial Board, Head of the Legal Management Principles Department of MGIMO-University, Vice-President of the Civic Chamber of the Russian Federation, Member of the Presidium of the Association of Lawyers of Russia, Editor in Chief of Jurist Publishing Group, Honored lawyer of the RF, LL.D., Professor, Corresponding member of the RAE (Editor in Chief)

Tumanova Anastasiya Sergeevna, Professor of the National Research University "Higher School of Economics", LL.D., doctor of historical sciences, Professor (Deputy Editor in Chief)

Autonomov Aleksej Stanislavovich, LL.D., Professor, Vice-rector for Research and International Relations of the A.S. Griboedov Institute of International Law and Economics

Bradley Joseph, doctor of historical sciences, Professor of History of the University of Tulsa (Oklahoma, USA)

Galas Marina Leonidovna, doctor of historical sciences, Associate Professor, Chief Researcher Institute of Problems of effective state and civil society Financial University under the Government of the Russian Federation

Demichev Aleksey Andreevich, Professor of Nizhniy Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, LL.D., Professor

Diskin Iosif Evgen'evich, Professor of the National Research University "Higher School of Economics", doctor of economic sciences

Bekman Johan, doctor of political sciences, Associate Professor of criminology and sociology of law, the representative of the Russian Institute for strategic studies in Northern Europe (Finland)

Todd Lefko, doctor of historical sciences, Professor at the University of Minnesota, Politician, Businessman (USA)

Malakhov Valerij Petrovich, Head of the Chair of Theory of State and Law of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, LL.D., Professor

Medushevskij Andrej Nikolaevich, Professor of the National Research University "Higher School of Economics", Doctor of philosophical sciences, Professor

Mezenev Mathieu, Deputy Dean of the faculty of "Law and Economics" State University of Reunion, LL.D., Professor (France)

Mersiyanova Irina Vladimirovna, director of the Centre for Studies of Civil Society and the noncommercial sector of the National Research University "Higher School of Economics", PhD in sociological sciences, Associate Professor

Nizhnik Nadezhda Stepanovna, Professor of Department of theory of state and law Saint-Petersburg University of the Ministry of internal Affairs of Russia, LL.D., Professor

Panarin Andrey Aleksandrovich, doctor of economics, president of "Educational Consortium Central Russian University" Non-profit partnership, Chief of staff of the Russian professorial meeting, director of the center for digital technologies in Economics of the RUDN University, Associate Professor

Popov Evgenij Vasil'evich, PhD (Law) (Associate Professor of the Legal Management Principles Department of MGIMO-University)

Salomatin Aleksey Yur'evich, Professor of Penza University, LL.D., doctor of historical sciences, Professor

Safonov Aleksandr Aleksandrovich, Professor of the National Research University "Higher School of Economics", LL.D., Professor

Sigalov Konstantine Elizarovich, LL.D., Associate Professor, Director of the Center of legal regulation of economic and financial relations of the Institute of effective state and civil society, the Financial University under the Government of the Russian Federation

David Horton Smith, Emeritus Professor of sociology, Boston College (USA), Honorary guest Professor of sociology at the University of East England, Honorary guest Professor at HSE and the University of Tsinghua (China)

Solov'ev Kirill Andreevich, doctor of historical sciences, Associate Professor

Shablinskij Il'ya Georgievich, Professor of the National Research University "Higher School of Economics", LL.D., Professor

Shul'ga Ruslan Yur'evich, PhD (Law) (Department of Theory and History of State and Law of the A.S. Griboedov Institute of International Law and Economics)

Editorial subscription centre: (495) 617-18-88

e-mail: podpiska@lawinfo.ru

Editorial Office Address:

Bldg. 7, 26/55, Kosmodamianskaya Emb., Moscow, 115035.
Tel./fax: (495) 953-91-08, e-mail: avtor@lawinfo.ru

Subscription:

Unified Catalogue. Russian Press — 91889 (half year), www.lawinfo.ru

Printed by National Polygraphic Group Ltd.

Bldg. 2, street Svetlaya, Kaluga, 248031.

Tel.: (4842) 70-03-37.

Size: 60x90/8.

Printer's sheet 6. Offset printing.

Circulation: 1000 copies.

Free market price.

ISSN 2221-3287

Passed for printing: 05.10.2020. Issue was published: 12.11.2020.

Section No. 1. Civil Society as a Subject and Object of Control

Kiryakov A.Yu. Prerequisites for the Development of Control Functions of Civil Society as a Factor of Constitutionalization of Non-State Control 3

Section No. 2. Civil Society Practices

Gochyev T.D. Moral and Legal Norms: Effective Interaction 6

Sigalov K.E., Mukienko I.N. Basic Types of Charitable Activity as a Functional Component of the Civil Society in the Russian Federation 10

Iksanov I.S. Notion and Classification of Migrants 15

Razumov P.V., Kuscheev S.Yu. Problem of Legal Regulation of Copyright to Works Created by an Artificial Intelligence 20

Section No. 3. Foreign Experience of Civil Society Functioning

Kobets P.N. Latin America Civil Society is the Most Important Subject of Combating Corruption-Related Crimes 24

Section No. 4. Civil Society in the Political and Legal Thought

Tushkanov I.V. Ideas of V.F. Deryuzhinskiy on the Role of Civil Society in the Establishment and Conducting the State Social Policy 28

Ovcharenko V.V. Significance of Constitution in the Political Doctrine of A.I. Gertsen 31

Ustinov A.V. The Idea of a Federation of Nationalities of Law Scientist F.F. Kokoshkin 35

Section No. 5. Religious Freedom in the Modern World

Safonov D.V. Prosecution and Discrimination of the Christians on the Example of Pakistan 39

Popova E.E. Religious Education of the Convicts in the International Standards and National Laws of Russia 43

Recommended by the Supreme Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for publications of results of doctoral theses.

Complete or partial reproduction of materials without written permission of authors of the articles or the editorial office shall be prosecuted in accordance with law. The Journal is included in the database of the Russian Science Citation Index

ПРЕДПОСЫЛКИ РАЗВИТИЯ КОНТРОЛЬНЫХ ФУНКЦИЙ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА КАК ФАКТОР КОНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ НЕГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ

Кириянов Артем Юрьевич,
председатель Российского Союза налогоплательщиков,
член-корреспондент Российской академии естественных наук (РАЕН),
член Общественной палаты Российской Федерации,
кандидат юридических наук
akiryarov@mail.ru

В представленной статье автором продолжается конституционно-правовой анализ феномена негосударственного контроля, в частности, рассматриваются предпосылки развития контрольных функций гражданского общества как одного из факторов его (негосударственного контроля) конституционализации.

Ключевые слова: негосударственный контроль, гражданское общество, общественный контроль, конституционализация.

Prerequisites for the Development of Control Functions of Civil Society as a Factor of Constitutionalization of Non-State Control

Kiryarov Artem Yu.
Chairperson of the Russian Taxpayer Union
Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences (RANS)
Member of the Public Chamber of the Russian Federation
PhD (Law)

In the present article, the author continues the constitutional-legal analysis of the phenomenon of non-state control. In particular, considers the prerequisites for the development of the control functions of civil society as one of the factors in constitutionalization by non-state control.

Keywords: non-state control, civil society, public control, constitutionalization.

Конституционализация различного рода правовых феноменов рассматривается в исследованиях по конституционному праву перманентно. С различных позиций ведутся дискуссии о тенденциях и предпосылках появления тех или иных феноменов в конституционно обозначенном дискурсе. Несложно заметить, что обсуждение таких категорий, как гражданское общество, общественный и гражданский контроль, также находится в этом дискурсе. Именно этот факт обозначает наличие предпосылок развития контрольных функций гражданского общества, как фактора конституционализации негосударственного контроля, как более широкой категории, включающей в себя весь спектр контрольных функций гражданского общества.

В рамках настоящей статьи обратимся к самому пониманию современного конституционализма. Конституционализм, как доктрина, является важной составляющей развития современной государственности, основной чертой которой становится развитие партнерской модели правового государства, подразумевающей взаимное исполнение обязанностей индивида и государства. В конституционализме основное место отводится гуманистической идее общего блага для всех и индивидуального блага для

каждого. Вполне очевидным представляется, что реализация ценностей, предлагаемых и реализуемых в рамках конституционализма, возможна исключительно при взаимном желании индивида, общества и государства, при их стремлении создать такую социокультурную и правовую среду, которая будет способствовать развитию человека, а следовательно, и развитию общества и государства.

Прежде всего необходимо сформулировать и уточнить современные предпосылки развития контрольных функций гражданского общества, то есть той активной части общества, которая воздействует на государство и его институты. В ряде исследований народовластие и его реализация рассматриваются исключительно через традиционные формы. Но как уже указывалось, невозможно свести реализацию народовластия в современном государстве только лишь к свободным выборам и референдумам, а с принятием конституционных изменений о сроках деятельности выборных органов государственной власти на федеральном уровне, законодательных изменений на уровне субъектов Российской Федерации, снижения избирательной составляющей в местном самоуправлении; увеличение избирательных циклов привело к тому, что выборные процедуры стали все более унифицированными и

редкими. Но конституционные права индивида в части реализации народовластия не прекращаются с завершением избирательных циклов.

Обращаясь к гражданскому обществу как к коллективному субъекту правовых отношений, следует указать на то, что в гражданском обществе взаимодействие индивида и государства происходит через промежуточные социальные институты, независимые от государства. Так, Р. Роуз пишет, что гражданское общество требует, чтобы государство было правовым (т.е. управлялось правом) и признавало существование независимых от него социальных институтов (различного рода предприятия, кооперативы, профсоюзы, университеты и т.д.); а вот от граждан не требуется, чтобы они в обязательном порядке участвовали в политике или признавали доминирование государств в повседневной жизни¹. Терминологически Р. Роуз определяет гражданское общество как общество позитивной интеграции личности и государства через негосударственные институты.

Важным фактором взаимодействия в обществе и государстве является фактор контрольных функций. Фактически ни одна система не может нормально функционировать без определенных контрольных механизмов, поэтому в современном правовом государстве контрольные функции не могут и не должны замыкаться исключительно на государственных институтах. Институты, на которые опирается современное общество, все в большей степени выстраиваются за счет горизонтальных общественных связей², особенно эта тенденция характерна и исторически обоснована в российском обществе.

Негосударственный контроль — это одна из важнейших функций гражданского общества. Развитие современного правового и демократического государства предполагает усиление гражданского общества как независимого института с особым влиянием, которое влечет за собой юридические последствия. В этом контексте именно контрольные функции общества, обобщенно выражающиеся как негосударственный контроль, представляются фундаментально важными. Негосударственный контроль в данном контексте видится как один из ключевых инструментов гражданского общества по участию в управлении государством, влиянию «мягкой силы» социальной регуляции через негосударственного субъекта. Современное государство предполагает уменьшение регуляторных функций, увеличение уровня электронного документооборота, минимизации участия госслужащих в контактах с гражданами. Сегодня магистральной идеей

развития государственных институтов является идея усиления негосударственного контроля со стороны индивида и общества в рамках партнерской модели современного государства и доктрины конституционализма. Таким образом, важным этапом в конституционном развитии становится именно конституционализация негосударственного контроля как инструмента гражданского общества, получение и фиксация правовых оснований воздействия гражданского общества на государство и его институты.

Динамика развития информационного общества и цифровой среды оказывает прямое влияние на развитие российской конституционной доктрины. Если обратиться к стратегическим документам, устанавливающим основные направления государственного развития, несложно заметить антропологический поворот во взаимодействии общества и государства. В качестве примера можно привести существовавшее до 2018 года Открытое правительство, взаимодействовавшее и привлекавшее к работе в цифровом пространстве представителей общества и экспертов по широкому кругу отнесенных к его ведению вопросов. После принятия Указа Президента Российской Федерации от 15 мая 2018 года № 215 «О структуре федеральных органов исполнительной власти»³ его основные функции были переданы созданному Министерству цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. Важность направления цифрового взаимодействия общества и государства подчеркивается и созданием отдельной должности заместителя Председателя Правительства Российской Федерации, в круг полномочий которого будут входить вопросы цифровизации. Указанное демонстрирует, что информационно-коммуникативная повестка представляется крайне важной для государства, это, в свою очередь, подталкивает к развитию цифровизации контрольных институтов в обществе.

Представляется, что именно развитие цифровой экономики, цифрового взаимодействия между индивидом, обществом и государством подталкивает развитие контрольных функций гражданского общества. В качестве примера реализации указанной предпосылки следует привести и введенную в 2013 году процедуру российской общественной инициативы, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 4 марта 2013 года № 183 (ред. от 23.06.2014) «О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса «Российская общественная инициатива»⁴. В преамбуле Указа закрепляется, что он разработан «в целях обеспечения развития и укрепления гражданского общества, защиты прав человека и гражданина, участия граждан в управлении делами государства». Правовая фиксация подобного рода процедур

¹ Роуз Р. Россия как общество песочных часов: Конституция без граждан // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. 1998. № 2. С. 70.

² См., напр.: Дерябина Н.А. Горизонтальные связи и сетевая координация в современной экономике // Общественные науки и современность. 2014. № 1. С. 65–76; Груздев В.В. О сущности гражданской правосубъектности // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 2. С. 113–121.

³ Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 15.05.2018 (дата обращения: 14.09.2020).

⁴ СЗ РФ. 2013. № 10. Ст. 1019.

является важным элементом развития сферы негосударственного контроля и демонстрирует движение правового регулирования в этом направлении.

Существенное влияние на развитие негосударственного контроля в Российской Федерации оказало принятие и детализация федерального и регионального законодательства об общественных палатах и общественном контроле. К числу перечисленных выше законов следует выделить Федеральный закон от 23 июня 2016 года № 183-ФЗ (ред. от 05.12.2017) «Об общих принципах организации и деятельности общественных палат субъектов Российской Федерации»⁵, создавший предпосылки развития и закрепивший базовые принципы регионального нормативного регулирования функционирования общественных палат в субъектах Федерации. В этой связи региональное законодательство получило дополнительный стимул к развитию механизмов функционирования общественных палат. По аналогии с региональными палатами стали появляться муниципальные общественные палаты, которые участвуют в жизнедеятельности муниципальных образований.

Развитие национального законодательства по борьбе с коррупцией все в большей степени вводит различного рода инструменты, способствующие развитию и разнообразию применения негосударственного контроля. В статье 3 Федерального закона от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ (ред. от 28.12.2017) «О противодействии коррупции»⁶ к числу основных принципов противодействия коррупции отнесен принцип сотрудничества государства с институтами гражданского общества, международными организациями и физическими лицами. Данный принцип последовательно перенесен и в развивающий положения указанного закона Федеральный закон от 17 июля 2009 года № 172-ФЗ (ред. от 21.10.2013) «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов»⁷, в частности, этот принцип несколько дополнен и конкретизирован в подп. 5 п. 1 ст. 2 Федерального закона: сотрудничество федеральных органов исполнительной власти, иных государственных органов и организаций, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, а также их должностных лиц с институтами гражданского общества при проведении антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов (их проектов).

Подобный пример также демонстрирует общую тенденцию к использованию и расширению сферы негосударственного контроля. При этом общая предпосылка такого расширения связана именно с усилением активности гражданского общества. Нормативно закрепленные возможности гражданского общества в различных сферах оказались значимыми и востребованными, это можно

утверждать именно сегодня, когда приведенные правовые акты действуют уже несколько лет и можно указать на определенные результаты в этой сфере. Вместе с тем следует отметить, что приведенные примеры касаются такого вида негосударственного контроля, как общественный контроль. Схожая ситуация складывается и с муниципальным контролем, нормативно-правовые основы которого, как правило, закрепляются параллельно с государственным контролем.

Однако предпосылки развития контрольных функций гражданского общества не ограничиваются общественным контролем в его сегодняшнем нормативном содержании. Тем не менее следует констатировать, что развитие механизма негосударственного контроля сегодня во многом канализируется посредством нормативно-правового регулирования именно общественного контроля. В данной связи следует отметить, что использование в действующей системе российского правового регулирования понятия «общественный контроль» в значительной степени урезает его содержание.

Рассматривая весь спектр контрольных функций гражданского общества, следует рассматривать не только общественный контроль в его нормативном значении, но и остальные виды негосударственного контроля. При этом необходимым представляется уход от излишней формализации и избыточного правового регулирования контрольных механизмов в области негосударственного контроля. Рассматривая гражданское общество как основного активного субъекта общественных отношений, следует констатировать, что гражданская составляющая в общественно-политической жизни российского государства значительно возрастает. Общий процесс эволюции государства и общества показывает на необходимость признания за институтами гражданского общества полноценной возможности реализации негосударственного контроля, основанного на фундаментальном конституционном принципе народовластия.

Признавая за гражданином и гражданским обществом возрастающую роль в принятии участия в управлении делами государства, следует указать и на то, что подобный процесс не может не сказаться на конституционном уровне развития государства. Важным элементом такого развития является процесс конституционализации. Конституционализация как процесс является неотъемлемой частью доктрины (концепции) конституционализма. Правовая практика показывает, что конституционализация какого-либо феномена, как правило, напрямую зависит от процессов развития общества и государства. Сам по себе процесс конституционализации предполагает не только возможный процесс изменения конституционных актов в части норм, которыми необходимо дополнить конституционный акт, в связи с необходимостью закрепления и конституционной детализации какого-либо феномена, введения каких-либо дополнитель-

⁵ СЗ РФ. 2016. № 26 (часть 1). Ст. 3852.

⁶ СЗ РФ. 2008 № 52 (часть 1). Ст. 6228.

⁷ СЗ РФ. 2009. № 29. Ст. 3609.

ных конституционных элементов, но и процесс, связанный с изменениями конституционно-правовых ориентиров в обществе и государстве, смещения

правовых акцентов на те явления, которые общество выделяет и считает важными в конкретный исторический этап развития.

Литература

1. Груздев В.В. О сущности гражданской правосубъектности / В.В. Груздев // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 2. С. 113–121.
2. Дерябина Н.А. Горизонтальные связи и сетевая координация в современной экономике / Н.А. Дерябина // Общественные науки и современность. 2014. № 1. С. 65–76.
3. Роуз Р. Россия как общество песочных часов: Конституция без граждан / Р. Роуз // Конституционное право: Восточно-европейское обозрение. 1998. № 2. С. 70–77.

НРАВСТВЕННЫЕ И ПРАВОВЫЕ НОРМЫ: ЭФФЕКТИВНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

Гочыев Таганмурад Даллаевич,
кандидат юридических наук, доцент (Туркменистан)
tdgochyev@gmail.com

В статье, исходя из важности нравственных норм как общественного регулятора, затронуты некоторые аспекты взаимодействия моральных и правовых норм. Автор, сконцентрировав внимание на особенностях природы и механизма реализации нравственных и правовых норм, попытался указать на жизненную необходимость координации и гармонизации моральных и правовых норм в современном обществе.

Ключевые слова: значение нравственных норм, общественные регуляторы, кодификация нравственных норм, легализация нравственных норм, интересы общества, глобализация, взаимодействие, координация и гармонизация моральных и правовых норм.

Moral and Legal Norms: Effective Interaction

Gochyev Taganmurad D.
PhD (Law), Associate Professor (Turkmenistan)

The article considers some aspects of interaction of moral and legal norms from the perspective of significance of moral norms as a public regulator. The author has focused on specific features and mechanisms of implementation of moral and legal norms and has tried to underline the vital importance of coordination and harmonization of moral and legal norms in the modern society.

Keywords: significance of moral norms; public regulators; codification of moral norms; legalization of moral norms; public interests; globalization; interaction; coordination and harmonization of moral and legal norms.

Значение нравственности для общества

Все происходящие в мире негативные явления (проблемы, связанные с окружающей средой, терроризм, экстремизм, коррупция, миграция, организованная преступность и т.д.) являются последствиями безнравственного поведения человека. В связи с этим, как нам представляется, необходимо разработать комплекс мер по воздействию на человеческий фактор, на его поведение и психологию.

Наиболее важным из них, на наш взгляд, является нравственное воспитание общества, прежде всего молодежи. Высоконравственное общество — гарантия политической стабильности, экономического роста и социального благополучия в стране. В современном мире воспитание морально устойчивого человека является стратегической задачей, к тому же не отдельных обществ, а всего человечества. Пора национальные интересы государств отодвинуть во второй план. Отныне доминировать должны интересы всего человечества. Я бы

предложил наш век назвать столетием «За высоко-нравственное общество». Данный постулат должен стать вечным девизом человеческого общества.

Общественные регуляторы

Как известно, традиционно общественные отношения регулируются нормами обычаев, религиозными нормами, нормами морали и права. На мой взгляд, нравственные нормы являются механизмом реализации, иначе проведения в жизнь всех указанных выше норм. Например, на Востоке женитьба сына или выдача дочери замуж считается обычаем. И справление свадьбы по этому поводу рассматривается как традиция, есть еще правила и обряды (у туркмен они называются дессур) по организации свадебного торжества. Так вот организация свадебных торжеств в рамках норм обычаев, а также в соответствии с религиозными и правовыми нормами приходится на долю нравственных норм. Именно они обеспечивают надлежащее

проведение свадеб, не создавая неудобства, сложности, трудности, одним словом, дискомфорт для окружающих (чтобы свадебный кортеж-караван не нарушал рамки приличия, не затягивалась свадебная вечеринка, соблюдался свадебный этикет, нравственная культура поведения и общения и т.д.).

В настоящее время нормы обычаев и шариата настолько переплетены и унифицированы, что трудно провести между ними четкую грань, да и сфера их влияния достаточно ограничены. Поэтому основными общественными регуляторами выступают нормы права и морали.

Известно, что правовые нормы существуют как писанные правила поведения. О правовых нормах люди знают практически все, так как часто сталкиваются с ними в повседневной жизни. Кроме того, законы постоянно освещаются и пропагандируются в средствах массовой информации. Гражданам очень хорошо известны понятия «правовая обязанность» и «юридическая ответственность», т.е. последствия несоблюдения правовых обязанностей и обязательств.

Кодификация и легализация нравственных норм

Поскольку нравственные нормы, если не иметь в виду отдельные этические кодексы, существуют как неписанные правила, поэтому люди о них недостаточно осведомлены. В обществе мало кто имеет четкое представление о «нравственных обязанностях» и «нравственной ответственности». Для устранения этого пробела нужна целенаправленная комплексная работа.

Прежде всего целесообразно проведение систематизации, кодификации нравственных норм. В моей книге «Система нравственных норм туркменского народа» они систематизированы по девяти основным направлениям (нравственные отношения в семье, среди учащейся молодежи, на работе, в общественных местах, человека с окружающей средой, между государством и гражданином, между соседями, при приеме гостей, на различных торжествах и поминальных мероприятиях). В последней главе книги говорится о мерах нравственной ответственности и процедуре их применения.

Как представляется, моральные нормы должны быть легализованы на общественных началах. Если нравственный кодекс утвердить в государственном органе (например, в Парламенте или Правительстве), то он превратится в нормативно-правовой акт, т.е. в общеобязательные правила поведения, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Вопрос легализации нравственных норм в нашем понимании имеет трехступенчатый уровень:

«Этические кодексы» отдельных социальных групп (врачей, учителей, бизнесменов и т.д.). Их можно рассмотреть и утвердить на общих собраниях их трудовых коллективов. Например, на общем собрании работников системы министерства или ведомства, либо общественного формирования или частных компаний.

«Нравственный кодекс народа». Легализация данного Кодекса имеет определенные сложности. Для его рассмотрения и утверждения нужен общественный орган, действующий в масштабе страны. В противном случае нужно организовывать референдум или находить иной оптимальный альтернативный вариант решения вопроса.

«Нравственный кодекс человечества» и «Нравственный кодекс государств». «Нравственный кодекс человечества» будет определять моральные отношения между людьми земного шара, а «Нравственный кодекс государств» будет регулировать нравственные отношения между государствами. В них целесообразно закрепить главные направления, основополагающие идеи и принципы нравственного поведения людей и государств. Данные Кодексы можно было бы рассмотреть и утвердить на заседаниях ГА ООН. Прецедент в этом вопросе уже имеется, в 1996 году ГА ООН утвержден «Кодекс этики поведения госслужащего», в ЕС аналогичный Кодекс утвердили в 2000 году.

Взаимоотношение нравственных и правовых норм

Определяя основные параметры взаимоотношения моральных и правовых норм, следует указать на следующие закономерности.

Во взаимоотношении нравственных и правовых норм основополагающими, т.е. базовыми, являются нормы морали. Иначе говоря, нравственные нормы первичны, а правовые — вторичны. Это означает, что законы должны составляться на основе нравственных норм общества (любовь к отчизне, человеколюбие, справедливость, гуманизм, равенство и т.д.). Если нравственный уровень общества низкий, то и законы будут несовершенными, и они будут отставать от реальных требований сегодняшнего дня.

Важно знать, что в реальной жизни в личных отношениях, когда они одновременно регулируются нормами морали и права, всегда вначале нарушаются нормы морали, и только потом возможно нарушение правовых норм. В обратном порядке это не может происходить. Например, содержание детей или нуждающихся в помощи родителей — прежде всего нравственный долг человека. Юридическая ответственность здесь возникает только тогда, когда человек добровольно не выполняет свои моральные обязанности. Так что безнравственный человек всегда является потенциальным правонарушителем.

Если в обществе будут соблюдаться нормы морали, то в большинстве случаев и правовые нормы будут исполняться добровольно, поскольку нарушение законов противоречит нравственной природе такого человека, его поведенческой культуре. Он, скорее всего, будет бороться с нарушителями законов.

Нельзя управлять обществом, регулируя общественные отношения только нормами морали или права. Нельзя добиться должного поведения людей только с помощью нравственных норм, т.е. методами убеждения. Также невозможно добиться

этой цели методами принуждения. Безусловно, с помощью силы в определенном отрезке времени возможно добиться желаемого результата. Но это обязательно вызовет у людей недовольство, а в последующем непослушание и неповиновение. Следовательно, обеспечение гармонии нравственных и правовых норм является важной задачей в государственной политике.

Особенности совершенствования нравственных и правовых норм

Правовые нормы находятся в постоянном движении. Жизнь требует, чтобы они постоянно совершенствовались (принимаются новые законы, по мере необходимости в действующие законы вносятся изменения и дополнения). Законы не могут отставать от изменений, происходящих в обществе.

Что же касается норм обычаев и шариата, то суть их никогда не меняется. В духе времени могут видоизменяться свадебные обряды, поминальные процедуры, но не содержание норм обычаев и мусульманского права.

Моральные нормы отличаются особой стабильностью. Несмотря на прохождение столетий, смысл их не меняется. Как можно изменить суть таких принципов, как честность, справедливость, гуманизм, равенство, снисходительность, умение прощать и т.д., которые как нравственные нормы общего характера широко проявляются во всех сферах жизнедеятельности человека (в семье, на работе, в общественных местах и т.д.). Вряд ли можно допустить мысль о том, что человек может или должен быть более честным или справедливым, тем более в какой-то мере честным или справедливым. По общим человеческим измерениям он честный или не честный, справедливый или не справедливый.

Да, редко, но новые моральные нормы могут появляться. Например, на законодательном уровне закреплено право граждан на участие в референдумах. С юридической точки зрения это право граждан, а не их обязанность. С нравственной точки зрения данное право следует рассматривать как общественно-политическую нравственную обязанность членов общества.

Внесение изменений и дополнений в нравственные нормы в исключительных случаях тоже можно встретить. Например, традиционно на Востоке, а следовательно, и у туркмен главой семьи является мужчина. В современном обществе очень много женщин работают и имеют самостоятельный источник существования, может быть, даже они зарабатывают больше, чем мужья, тем не менее главой семьи остается мужчина. Правда, в связи ограничением времени у жены для домашнего хозяйства мужья стараются больше помогать женам по дому и по уходу за детьми. Таким образом, они фактически становятся равноправными партнерами. Все это отражается и на нравственных обязанностях членов семьи, прежде всего в отношениях мужа и жены.

Если сравнивать ментальную культуру ношения национальных одежд и украшений туркменками, то в нынешнем столетии по сравнению с прошлым столетием можно заметить существенные изменения. Все эти факторы, бесспорно, влияют на менталитет и на моральные устои общества, следовательно, и на нравственные взаимоотношения людей.

Чьи интересы нужно учитывать в нормах морали и права?

Как нам представляется, все нормы, в том числе нормы нравственности и права, должны составляться с учетом интересов преобладающей части общества. При этом в регулировании общественных отношений важно учитывать два ключевых момента: регулированию подлежат, во-первых, наиболее важные, иначе значимые, а во-вторых, распространенные общественные отношения.

Какие еще могут существовать интересы: всех членов общества, простого большинства населения и отдельных социальных групп.

То, что даже теоретически невозможно добиться единства мнений и взглядов в обществе, думается, понятно всем. Ни одно решение не может устраивать интересы всех. При таком подходе не будет принято ни одно решение.

Интересы «простого большинства» тоже достаточно эффективно работают. Возьмите «Брексит» в Великобритании. В 2016 году на референдуме 51,9% населения проголосовали за выход из ЕС. Всем известны политические, экономические и социальные последствия затяжного брексита в целом для ЕС, не говоря уже о психологическом и моральном дискомфорте, обрушившемся на людей. Легитимность решения данного вопроса нужно было связать не с мнением простого, а квалифицированного большинства населения. Наиболее значимые вопросы в обществе в постсоветском пространстве решаются квалифицированным большинством голосов. Например, в Крыму за выход из состава Украины проголосовали почти сто процентов его жителей. Поэтому среди населения на эту тему нет никаких спорных дискуссий. Оценка политико-правовых аспектов данного вопроса не входит в нашу задачу.

Защита интересов «социальных меньшинств» даже в западных странах воспринимается неоднозначно. В мировой практике в последнее время под лозунгом либерализации общества стараются защищать интересы даже самых малых групп, рассматривая его как победу демократии. Подобные перемены нужно приветствовать, если эти новеллы происходят в рамках требований нравственных норм общества. Иначе, если они признаются в обществе достаточно распространенными и общественно значимыми, т.е. волнующими все слои общества. Можно ли это отнести к следующим случаям?

Легализация однополых браков. Его в настоящее время узаконили почти в 30 странах мира, и большинство из них находятся в Европе. Мы далеки от мысли оценки этого социального явления

(плохо или хорошо, правильно или неправильно), поскольку рассматриваем его как проявление своеобразия менталитета народа. Понятно, что данное поведение основано на биологии человека и в какой-то мере имеет место во всех обществах.

Другой пример — употребление наркотиков. Употребление отдельных видов наркотиков уже легализованы в некоторых странах, и этот процесс набирает все больше обороты.

Возможно, в будущем появятся и другие интересы социальных меньшинств. Как нам представляется, подобные факты на Востоке деструктивно повлияют на стабильность общества и на общественные нравы. На Западе эти новшества, на наш взгляд, тоже особой пользы обществу не приносят. К слову, в европейских странах и без того сложная демографическая ситуация, увеличивается статистика употребления наркотиков. Исходя из изложенного, считаем, что в урегулировании общественных отношений учет интересов преобладающей части населения является самым оптимальным решением.

Влияние глобализации на нормы права и нравственности

В целом глобализация явление прогрессивное, и постоянно расширяется сфера ее влияния.

Что можно сказать о влиянии глобализации в области права. В целом эффект от глобализации, безусловно, положительный. Однако нельзя забывать, что право основывается на менталитете народа и на нравственных устоях общества, и оно обязательно должно учитывать их особенности. Следовательно, с учетом сказанного правовые системы могут сближаться, но их унификация невозможна.

Как нам представляется, неправильно говорить о сближении норм обычаев у разных народов, норм шариата с нормами других религий. Мы можем говорить о сотрудничестве, мирном сосуществовании религий, религиозных концессий, но не об их сближении.

Что касается моральных норм, не говоря об их унификации, даже к их сближению нужно относиться очень осторожно, ибо это в конечном результате может привести к деградации менталитета народа и нравственных устоев общества (они могут измениться, развиваться в ненужном направлении, а то и вовсе исчезнуть какие-то особенности). В итоге можно потерять свое ментальное лицо. Без менталитета нет нации, а значит, и национального государства.

Подобная озабоченность объясняется существованием в мире единого глобального информационного поля и его всеобщей доступностью, что является характерной особенностью настоящего столетия. Люди широко пользуются услугами Интернета, различных зарубежных телерадиоканалов, мобильных связей. Это сильно влияет на нравственные устои общества и прежде всего молодежи. В шквале информационного потока трудно сохранить свои национальные особенности и

нравственные ценности, если не проводить целенаправленную просветительскую работу.

Вредные последствия безнравственности

Аморальное поведение человека одновременно наносит вред обществу и ему самому.

Безнравственность постепенно, но целенаправленно разрушает стабильность общества. Когда в обществе много безнравственных людей, то становится трудно обеспечить его гармоничное развитие.

Вред, наносимый обществу, в основном проявляется в следующем: общество становится менее сплоченным и дружелюбным; возникают трудности в реализации всевозможных реформ; служит плохим примером подражания для молодежи.

В чем проявляется вред аморального поведения для самого безнравственного человека? Прежде всего человек попадает в общественную изоляцию (люди отворачиваются от него и стараются не вступать с ним в контакт, среди окружающих он постоянно чувствует дискомфорт). Аморальное поведение безнравственного человека может стать предвестником совершения им различных правонарушений, в том числе и преступлений. Его безнравственное поведение отрицательно влияет и на моральный авторитет членов его семьи.

Из этого следует, что безнравственные действия человека не могут продолжаться бесконечно. Он обязательно попадет в какую-нибудь нелепую ситуацию, и теряет буквально все. Поэтому все люди, прежде всего молодое поколение, должны задуматься об этом, а общество оказывать каждому индивиду всяческое содействие в том, чтобы как можно в раннем возрасте он уяснил эту истину.

Безнравственность общества влияет и на отношения между народами и государствами. Поэтому, как ранее было отмечено, должны быть разработаны также нравственные правила взаимоотношения для мирового сообщества. Например, в межгосударственных отношениях преследование «национальных интересов» — обыденное явление, но старания и усердия государств в этом направлении должны быть в рамках общепризнанных норм международного права, а также общечеловеческих нравственных принципов.

Ни одно государство не вправе под предлогом защиты национальных интересов без веских на то оснований и причин вводить на территорию другого государства свой военный контингент или применять против него экономические санкции или инициировать какие-то иные действия, которые могут создавать этому государству разные притеснения и ограничения. Иначе, создавать в другом государстве политическую, экономическую и социальную напряженность. Международное сообщество обязано осуждать и пресекать подобные безнравственные действия, используя все имеющиеся в своем арсенале политические рычаги и правовые инструменты.

ОСНОВНЫЕ ВИДЫ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Сигалов Константин Елизарович,
профессор кафедры теории государства и права
Московского университета
Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя,
профессор кафедры истории права и государства
Юридического института Российского университета дружбы народов,
доктор юридических наук, доцент
Sigalovconst@mail.ru

Мукиенко Игорь Николаевич,
кандидат юридических наук
inmukienko1962@mail.ru

В статье исследуется феномен плюрализма существующих в Российской Федерации видов и форм благотворительной деятельности, выступающей важнейшим направлением функционирования развитого гражданского общества. Фактическое наличие такого разнообразия является одним из показателей полноценно сформированного, успешно и эффективно реализующего свои основные направления деятельности гражданского общества в нашем государстве, а имманентная русскому правосознанию идея милосердия выступает предпосылкой к устойчивости и гармоничности практически любых проявлений благотворительной деятельности в Российской Федерации.

Ключевые слова: государство, правовая культура, право, гражданское общество, благотворительность, добровольчество, волонтерство, меценатство, спонсорство, филантропия, милосердие, юридические клиники.

Basic Types of Charitable Activity as a Functional Component of the Civil Society in the Russian Federation

Sigalov Konstantin E.
Professor of the Department of Theory of State and Law
of the Kikot Moscow University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Professor of the Department of History of Law and State of the Law Institute
of the Peoples' Friendship University of Russia
LL.D., Associate Professor

Mukienko Igor N.
PhD (Law)

The article examines the phenomenon of pluralism of existing types and forms of charitable activities in the Russian Federation, which is the most important direction of functioning of a developed civil society. The actual existence of such diversity is one of the indicators fully formed, successfully and efficiently implementing their main activities the civil society in our state, and the immanent Russian consciousness the idea of charity is a precondition of stability and harmony in almost all forms of charitable activity in the Russian Federation.

Keywords: law, state, legal culture, civil society, charity, volunteerism, volunteerism, patronage, sponsorship, philanthropy, charity, legal clinics.

В настоящее время появляется значительное число теоретико-правовых исследований, затрагивающих проблему формирования в России развитого гражданского общества. Часть авторов данных исследований приходит к заключениям либо о его отсутствии в нашем государстве, либо о недостаточной сформированности, либо о несоответствии западным стандартам, либо о его искусственном характере или констатирует иные негативные тенденции и закономерности в области

функционирования российского гражданского общества¹. Авторы данной статьи придерживаются

¹ См., напр.: Петухов А.В., Демьянов Е.А. Проблема формирования гражданского общества в России. В сб.: Инновационные тенденции, социально-экономические и правовые проблемы взаимодействия в международном пространстве: материалы Международной научно-практической конференции. Саранск, 2016. С. 221–225; Карпачева Н.А., Сафронов В.В. К вопросу о проблеме формирования гражданского общества в России // Вестник научных конференций. 2016. № 5-3 (9). С. 45–46; Ткачева А.Ю., Приходько Е.А. Что

другой точки зрения, которую неоднократно излагали в более ранних публикациях.

Гражданское общество — сложный, многофакторный социальный феномен, он невозможен без гражданского активизма как проявления гражданского правосознания. Для России весьма актуально такое проявление гражданского активизма, как благотворительность, что нашло соответствующее отражение в законодательстве страны, в целях оптимизации функционирования и взаимодействия различных ее субъектов.

Так, в настоящее время в нормативной базе содержится законодательно установленное определение *благотворительной деятельности*: «...добровольная деятельность граждан и юридических лиц по бескорыстной (безвозмездной или на льготных условиях) передаче гражданам или юридическим лицам имущества, в том числе денежных средств, бескорыстному выполнению работ, предоставлению услуг, оказанию иной поддержки»².

В этом же законе содержится понятие наиболее актуального для настоящего времени вида такой деятельности: *добровольческая (волонтерская) деятельность* — «добровольная деятельность в форме безвозмездного выполнения работ и (или) оказания услуг в благотворительных целях»³. Можно заключить, что в отличие от благотворительной деятельности, включающей передачу имущества и оказание иной поддержки, то есть реализующейся в рамках неограниченного перечня форм активности, волонтерство, по сути, лимитировано исключительно выполнением работ и оказанием услуг. Вместе с тем следует отметить, что добровольчество — один из наиболее популярных в настоящее время видов благотворительности, сопровождающий проведение практически всех спортивных, культурных и иных массовых мероприятий. Это одновременно и социально полезная деятельность, и шанс показать себя, приобрести опыт работы в той или иной сфере молодым людям, в основном занятым в волонтерском движении⁴.

К нормативно закрепленным видам благотворительности следует также относить *меценатскую деятельность* — «деятельность по безвозмездной передаче имущества, в том числе денежных средств, или прав владения, пользования, распоряжения имуществом и (или) безвозмездные

выполнение работ и оказание услуг в сфере культуры и образования в области культуры и искусства, направленные на сохранение культурных ценностей и развитие деятельности в сфере культуры и образования в области культуры и искусства»⁵. Такая деятельность в целом носит характер благотворительной, но распространяется только на сферу культуры и образования в области культуры и искусства. Кроме того, отличием здесь является целеориентация — сохранение культурных ценностей и развитие деятельности в сфере культуры и образования в области культуры и искусства.

Наряду с данными терминами в законе содержится родственное понятию благотворителя, но все же имеющее существенное отличие, определение понятия спонсора: «лицо, предоставившее средства либо обеспечившее предоставление средств для организации и (или) проведения спортивного, культурного или любого иного мероприятия, создания и (или) трансляции теле- или радиопередачи либо создания и (или) использования иного результата творческой деятельности»⁶. Из содержания понятия спонсора можно сделать вывод о том, что спонсорская деятельность заключается в предоставлении средств либо ином обеспечении проведения или трансляции массового мероприятия, результата творческой деятельности.

Таким образом, *спонсорство* — это содержательно аналогичная благотворительной деятельности, осуществляемая, однако, не столько с целью достижения социального блага, сколько с целью извлечения из данной деятельности не прямой косвенной прибыли, в виде массовой рекламы, демонстрации бренда, формирования позитивного имиджа, продвижения товара и т.п. Такой вывод нам позволяют сделать, во-первых, отсутствие прямого указания на цель в нормативном определении этого понятия, а во-вторых, собственно его размещение в Федеральном законе «О рекламе».

Еще одним видом благотворительности является *гуманитарная помощь* — оказание безвозмездной медицинской и социальной помощи лицам, попавшим в тяжелое положение, вызванное стихийным бедствием, катастрофой, военными действиями, «вид безвозмездной помощи (содействия), предоставляемой для оказания медицинской и социальной помощи малообеспеченным, социально не защищенным, пострадавшим от стихийных бедствий и других чрезвычайных происшествий группам населения, для ликвидации последствий стихийных бедствий и других чрезвычайных происшествий, расходы на транспортировку, сопровождение и хранение указанной помощи (содействия)»⁷.

мешает развитию гражданского общества в России? // Международный студенческий научный вестник. 2016. № 4–5. С. 676–677; Троицкая Т.В. Проблемы становления гражданского общества в России // Государственный советник. 2016. № 2 (14). С. 5–9 и т.д.

² Ст. 1 Федерального закона от 11 августа 1995 г. № 135-ФЗ (ред. от 18.12.2018) «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» // СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3340.

³ См.: Федеральный закон от 11 августа 1995 г. № 135-ФЗ (ред. от 18.12.2018) «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» // СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3340.

⁴ См.: Государственное регулирование деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций. М.: ИНФРА-М, 2019.

⁵ П. 1 ст. 4 Федерального закона от 4 ноября 2014 г. № 327-ФЗ «О меценатской деятельности» // Российская газета. 2014. 7 ноября.

⁶ П. 9 ст. 3 Федерального закона от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ (ред. от 13.07.2020) «О рекламе» // Российская газета. 2006. 15 марта.

⁷ Федеральный закон от 4 мая 1999 г. № 95-ФЗ (ред. от 24.11.2008) «О безвозмездной помощи (содействии) Рос-

Такая помощь, в отличие от благотворительной деятельности, может осуществляться самым широким кругом субъектов, включающим государственные органы, органы местного самоуправления, иные лица.

Разновидностью благотворительности выступает и *пожертвование* — дарение, оплата в благодарности, «дарение вещи или права в общепользовательных целях»⁸. При пожертвовании даритель предусматривает особый порядок, как правило, связанный с реализацией общепользовательных целей, управления и использования того имущества, которое он передает получателю. В отличие от этого, благотворитель не обязан определять направление использования имущества благополучателем.

Между тем понятийно-категориальный аппарат теории гражданского общества, непосредственно включающего деятельность благотворительного характера, не исчерпывается данными нормативными дефинициями. Так, в отечественной гуманитарной сфере знаний представлено значительное число понятий, родственных благотворительной деятельности или отражающих ее отдельные характеристики, но пока не нашедших отражение в законах.

К таким впервые появившимся на Западе, но в настоящее время получившим широкое распространение в России видам благотворительной деятельности можно отнести следующие: краудфандинг, фандрайзинг, краудсорсинг, эндаумент.

Фандрайзинг (от англ. fundraising — сбор пожертвований) — оказание помощи в привлечении сторонних материальных, интеллектуальных и прочих ресурсов для решения социально значимых проблем. К фандрайзингу прибегают, как правило, некоммерческие организации, связанные с культурной, научной, просветительской и иной деятельностью. В ряде случаев фандрайзинг используется бизнес-сообществом для финансирования бизнес-идей, стартапов и проектов. Примером фандрайзинга в России стала акция «Подари надежду», заключавшаяся в проведении благотворительной фотосессии, где в качестве «моделей» выступили отдельные породы собак. Акция позволила собрать почти 400 тысяч рублей в пользу нуждающихся и больных детей.

Краудфандинг (от англ. crowdfunding — финансирование проекта за счет сбора небольших сумм от большого числа участников) — сбор средств на решение социально значимой задачи, в котором участвует значительное число активистов.

Как правило, такие сборы проводятся дистанционно, при помощи Интернета и средств массовой информации на специальных цифровых платформах. В отличие от фандрайзинга, краудфандинг актуален исключительно для некоммерческих благотворительных целей. Примером краудфандинга в России выступает экологическая игра Ecologic. Эта игра была запущена на площадке Boomstarter.ru и позволила собрать денежные средства, которые были направлены на защиту окружающей среды.

Краудсорсинг (от англ. crowdsourcing — привлечение для инновационной деятельности усилий большого круга лиц), по сути, включает в себя краудфандинг, так как, кроме коллективного сбора средств по принципу «с миру по нитке», данная активность связана с коллективным решением стоящей проблемы в целом: ее обсуждением, планированием решения, обмена опытом и идеями, иной помощью и сотрудничеством. Так, на краудсорсинговой платформе crowd.mos.ru недавно был запущен новый проект «Культурное наследие: Узнай Москву», где собираются предложения активных граждан, чтобы сделать портал «Узнай Москву» еще интереснее и удобнее. Здесь можно предложить идеи, с помощью которых удастся повысить удобство использования портала и мобильного приложения; рассказать, какие новые разделы хотели бы видеть на портале; предложить новых авторов проекта «Узнай Москву»; сформировать дополнительные направления спецпроектов; поделиться опытом создания туристических маршрутов с помощью иностранных онлайн-сервисов; принять участие в интересных опросах и т.д.

Эндаумент (от англ. endowment — пожертвование) — осуществляемое специальными фондами за счет добровольных пожертвований привлечение капитала, идущего, согласно целевой основе, на нужды учебных заведений. Так, значительным влиянием пользуются эндаументы в ряде ведущих российских вузов⁹.

Как разновидность благотворительности можно рассматривать и *гранты* — «денежные и иные средства, передаваемые безвозмездно и безвозвратно гражданами и юридическими лицами, в том числе иностранными гражданами и иностранными юридическими лицами, а также международными организациями, получившими право на предоставление грантов на территории Российской Федерации в установленном Правительством Российской Федерации порядке, на осуществление конкретных научных, научно-технических программ и проектов, инновационных проектов, проведение конкретных научных исследований на

сийской Федерации и внесении изменений и дополнений в отдельные законодательные акты Российской Федерации о налогах и об установлении льгот по платежам в государственные внебюджетные фонды в связи с осуществлением безвозмездной помощи (содействия) Российской Федерации» // Российская газета. 1999. 12 мая.

⁸ Ст. 582 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 27.12.2019, с изм. от 28.04.2020) // Российская газета. 1996. 6 февраля; 1996. 7 февраля; 1996. 8 февраля; 1996. 10 февраля.

⁹ МГИМО, МФТИ, МИСиС, СПбГУ, НИУ ВШЭ, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, ДФУ, РАНХиГС, МГЛУ и др. См.: URL: <https://mgimo.ru/alumni/fund/>; <https://ef.misis.ru/>; <https://www.fund.mipt.ru/>; <https://fond.mgpu.ru/news-events/11-endowment.html> (дата обращения: 05.08.2020).

условиях, предусмотренных грантодателями»¹⁰. Гранты являются формами субсидий и направлены на поддержку научных программ, развитие отдельных отраслей научно-технической деятельности, внедрения инноваций и продвижение науки в целом. Однако гранты в отличие от *субсидий* являются, как правило, единовременными выплатами и могут предоставляться в том числе негосударственными субъектами. Так, к негосударственным грантодателям в современной России можно отнести следующие фонды: Фонд содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере, программа «У.М.Н.И.К.», благотворительный фонд В.О. Потанина, Фонд «Сколково», Фонд «Династия», Неправительственный экологический фонд имени В.И. Вернадского, Фонд поддержки образования и науки (Алферовский фонд) и т.д.

Особым видом благотворительной деятельности в России является деятельность *юридических клиник*, предусматривающих негосударственную безвозмездную помощь при решении юридических вопросов. Как большинство иных форм негосударственной благотворительной деятельности, юридические клиники возникли в дореволюционной России, прекратили свое существование в советский период, ознаменовавшийся реализацией любой благотворительности только силами и средствами государства, и вновь появились уже в настоящее время (первая такая клиника была образована в 1995 году в Петрозаводске). Оказывать бесплатную юридическую помощь могут клиники, сформированные на базе некоммерческих организаций, адвокатских образований, адвокатских палат субъектов Российской Федерации, нотариальных палат, а также образовательных организаций высшего образования, правового просвещения населения и формирования у обучающихся по юридической специальности навыков оказания юридической помощи¹¹. Между тем реально функционирующие юридические клиники в настоящее время созданы только при наиболее крупных и авторитетных учебных заведениях.

Донорство также можно рассматривать как разновидность благотворительности, в том случае, когда добровольная передача крови, плазмы, тканей, органов, других биологических объектов происходит бескорыстно и безвозмездно. В законодательстве Российской Федерации предусмотрены особые меры стимулирования безвозмездного донорства (льготное предоставление путевок, бесплатное питание и др.)¹².

¹⁰ Ст. 2 Федерального закона от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «О науке и государственной научно-технической политике» // Российская газета. 1996. 3 сентября.

¹¹ См.: Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ (ред. от 26.07.2019) «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6725.

¹² Федеральный закон от 20 июля 2012 г. № 125-ФЗ (ред. от 24.04.2020) «О донорстве крови и ее компонентов» // Российская газета. 2012. 23 июля.

Кроме данных видов благотворительности, в Гражданском кодексе России также закреплены особые формы социально полезной активности, обладающие определенными чертами благотворительной деятельности, так как осуществляются добровольно, связаны с особо значимыми общепризнанными социальными проблемами и поощряются к реализации именно как бескорыстные и безвозмездные.

Опека — защита прав и законных интересов граждан, признанных судом недееспособными, как правило, вследствие психического расстройства. *Попечительство* — защита прав и законных интересов граждан, признанных судом ограничено дееспособными. Опека и попечительство, как правило, осуществляются безвозмездно, однако Гражданским кодексом РФ предусмотрена, в исключительных случаях, возможность заключения возмездных договоров на такую деятельность.

Патронаж (от фр. patronage — «покровительство», «поддержка») — особый вид опеки и попечительства, помощь совершеннолетним дееспособным лицам, которые по состоянию здоровья не способны на самостоятельное осуществление своих законных прав; либо финансовое и организационное покровительство объектов культурного наследия, приютов для бездомных животных, оказываемое на долговременной и стабильной основе. Подобно опеке и попечительству, возможны возмездные варианты реализации патронажа.

Именно национальное российское гражданское правосознание обуславливает формы гражданского активизма, характерные для нашей страны. Непосредственно с институтом благотворительности связаны такие феномены, как *филантропия* (от греч. phileo — люблю и anthropos — человек) — любовь к людям и в целом стремление улучшить судьбу человечества, любая помощь неимущим и дарение нуждающимся; *гуманизм* (от лат. humanus — человеческий, человечный) — мировоззрение, полагающее в качестве наивысшей ценности жизнь, здоровье, честь и достоинство человеческой личности; *альтруизм* (от лат. alter — другой, другие) — бескорыстная забота о благополучии других, самоотверженность и самопожертвование; *покровительство* — защита и заступничество, оказываемые более слабому конкретному человеку, иногда носящие религиозную направленность; *протекция* — влиятельная поддержка, способствующая устройству деловых отношений; *подавание* — добровольная раздача продуктов, денежных средств, одежды и иных предметов и ценностей нуждающимся людям; *милосердие* — сострадательное и доброжелательное отношение к другим людям, нуждающимся в помощи и поддержке. Все их также можно отнести к особым видам благотворительности.

Применительно к правовой системе России следует подчеркнуть особую значимость милосердия и оказываемое им влияние как на общественное, так и на личностное правосознание. Идеи милосердия,

добросердечия — религиозно и морально насыщенные концепты, характерные для всех традиционных конфессий в России. Они обуславливают стремление людей к занятию благотворительной деятельностью. Фактическое наличие такого разнообразия направлений благотворительной деятельности является одним из показателей полноценно

сформированного, успешно и эффективно реализующего свои основные направления деятельности гражданского общества в нашем государстве, а имманентная российскому правосознанию идея милосердия выступает предпосылкой устойчивости и гармоничности практически любых проявлений благотворительной деятельности в России.

Литература

1. Государственное регулирование деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций : монография / А.В. Барков, Г.Ф. Ручкина, М.В. Демченко [и др.]. Москва : ИНФРА-М, 2019. 181 с.
2. Карпачева Н.А. К вопросу о проблеме формирования гражданского общества в России / Н.А. Карпачева, В.В. Сафонов // Вестник научных конференций. 2016. № 5-3 (9). С. 45–46.
3. Петухов А.В. Проблема формирования гражданского общества в России / А.В. Петухов, Е.А. Демьянов // Инновационные тенденции, социально-экономические и правовые проблемы взаимодействия в международном пространстве : материалы Международной научно-практической конференции (г. Саранск, 26 марта 2016 г.) : сборник научных статей / ответственный редактор Н.И. Лушенкова. Саранск : Мордовский гуманитарный институт, 2016. С. 221–225.
4. Ткачева А.Ю. Что мешает развитию гражданского общества в России? / А.Ю. Ткачева, Е.А. Приходько // Международный студенческий научный вестник. 2016. № 4–5. С. 676–677.
5. Троицкая Т.В. Проблемы становления гражданского общества в России / Т.В. Троицкая // Государственный советник. 2016. № 2 (14). С. 5–9.

Уважаемые авторы!

Обращаем ваше внимание на следующие пункты:

- Нельзя предоставлять в журнал рукопись, которая была отправлена в другой журнал и находится на рассмотрении, а также статью, уже опубликованную в другом журнале.
- Соавторами статьи должны быть указаны все лица, внесшие существенный вклад в проведение исследования. Среди соавторов недопустимо указывать лиц, не участвовавших в исследовании.
- Если вы обнаружили существенные ошибки или неточности в статье на этапе ее рассмотрения или после ее опубликования, необходимо как можно скорее уведомить об этом редакцию журнала.

ПОНЯТИЕ И КЛАССИФИКАЦИЯ МИГРАНТОВ

Иксанов Илья Саматович,
доцент Департамента международного и публичного права
Финансового университета при Правительстве Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент
isiur@mail.ru

Миграционные процессы влияют почти на все области деятельности государства. В связи с этим первичная обязанность государства — налаживание процессов управления. Эффективно решить миграционные проблемы может долгосрочная концепция миграционной политики России, которая будет учитывать геополитические, экономические и демографические интересы государства. В данной статье проведен анализ категорий мигрантов в России.

Ключевые слова: мигранты, миграционное законодательство, миграционные процессы, перемещение лиц.

Notion and Classification of Migrants

Iksanov Ilya S.
Associate Professor of the Department of International and Public Law
of the Financial University under the Government of the Russian Federation
PhD (Law), Associate Professor

Migration processes affect almost all areas of state activity. In this regard, the primary responsibility of the state is to establish management processes. A long-term concept of Russia's migration policy that takes into account the state's geopolitical, economic and demographic interests can effectively solve migration problems. This article analyzes the categories of migrants in Russia.

Keywords: migrants, migration legislation, migration processes, displacement of persons.

Миграционный поток составляют территориальные перемещения, которые совершаются в определенное время в конкретной территориальной системе. Ученые разных областей пытались создать классификацию миграции. Сейчас в ходе классификации миграционных процессов используют множественные часто пересекающиеся друг с другом основания. Любой классификацией должны устанавливаться конкретные концептуальные и логические соотношения между субъектами миграционных процессов для анализа фактического материала в терминах данной концептуальной структуры, а также обоснования концептуального видения типов миграции и развития теории¹.

Трансисторические миграционные движения в России начал изучать А.А. Исаев. Он выделил четыре основные причины, которые побуждали людей к переселению, и сделал их основой собственной типологии: религиозные причины, политические, криминальные и экономические².

Основа современной классификации миграции населения была заложена Л.А. Рыбаковским. Он выделил два типа территориальных перемещений, которые отличались по собственной природе: межгосударственные (внешние) и внутригосударственные (внутренние). Классификация, которую предложил Л.А. Рыбаковский, получила свое развитие.

С.В. Рязанцев, рассматривая вынужденную миграцию, выделил следующие категории вынужденных мигрантов: беженцы; лица, которые желают получить убежище; иностранцы, которые получили временный статус; лица, которых приняли по иным соображениям гуманности. Также он добавил к данному виду миграционных потоков репатрирующихся претендентов на получение убежища, внутренне перемещенных лиц и репатрирующихся беженцев.

Новые виды миграционных перемещений, изменения в геополитических границах и политике иммиграции создали сложности для их изучения. Зарубежные исследователи попытались сделать классификацию новых видов миграционного движения. Особое внимание следует уделить классификации С. Кастлеса, директора Центра изучения проблем беженцев Оксфордского университета. Среди основных типов мигрантов он выделил следующие:

— временные мигранты (работники по контракту) — люди, мигрирующие на определенное время, чтобы получить работу и отправлять деньги родным на родине. Продолжительность такой миграции составляет от нескольких месяцев до нескольких лет;

— высококвалифицированные бизнес-мигранты — это специалисты, перемещающиеся на внутренних трудовых рынках международных корпораций и международных организаций, а также те, кто занимается поиском работы на международных рынках труда. У многих стран для таких ми-

¹ Сланова А.Ю. Миграционные процессы в современной России // АНИ: педагогика и психология. 2017. № 4 (21). С. 418.

² Исаев А.А. Переселения в русском народном хозяйстве. СПб., 1891. С. 10.

грантов есть специальные программы «Высококвалифицированные и бизнес-мигранты»;

— незаконные мигранты — это люди, прибывающие без необходимых документов и лицензий;

— беженцы — это лица, имеющие обоснованные опасения стать жертвой преследований в своей стране и не имеющие возможности использовать защиту данной страны или не желающие использовать такую защиту из-за каких-либо опасений³;

— ищущие убежище — люди, пересекающие границы в поисках защиты, но полностью не соответствующие критериям, которые установлены Конвенцией ООН о статусе беженцев;

— вынужденные мигранты — беженцы и лица, которые занимаются поисками убежища, а также те, кто вынужден мигрировать в связи с экологическими катастрофами или из-за строительства новых фабрик, дамб и т.д.;

— семейные воссоединенные мигранты — въезжающие в страну с целью воссоединения с членами семьи, уже находящимися там;

— возвратные мигранты — люди, которые возвращаются в собственную страну после пребывания в другой стране. Таких мигрантов рассматривают как желательных для страны возврата, поскольку, возвращаясь на родину, они привозят с собой опыт и мастерство, которые полезны для последующего экономического развития. У многих стран есть специальные проекты, позволяющие использовать потенциал таких кадров⁴.

Внимания также заслуживает классификация международного перемещения, которая широко признана и основана на иммиграционной политике страны въезда. В нее включены шесть разных типов международных мигрантов:

1) постоянные поселенцы — это иммигранты, признанные юридически. Их ожидает страна приема. К ним относятся лица, признанные юридически для воссоединения семей;

2) зарегистрированные трудовые мигранты — это временные рабочие, которые работают по контракту, а также временные профессиональные транзитные работники;

3) незаконные мигранты — лица, не имеющие законного юридического статуса в третьей стране пребывания, поскольку въехали в нее нелегально или самостоятельно решили в ней остаться;

4) ищущие убежища — это лица, которые пересекают границу и подают прошение о получении статуса беженца, поскольку опасаются преследования;

5) признанные беженцы (согласно Конвенции ООН 1951 года) — это лица, в отношении которых правительства было принято решение, что они из-за каких-то угрожающих им или их близким обстоятельств покинули место жительства в

собственной стране и ищут убежище на территории иного государства;

б) де-факто беженцы — это лица, не признанные беженцами в рамках трактовки статьи 1 Конвенции ООН 1951 года и Протокола 1967 года, но по обоснованным причинам имеющие временную защиту в стране прибытия.

В.А. Ионцев обратил внимание на то, что данная классификация не является полной, и предложил ее расширенный вариант⁵. Им были выделены основные укрупненные группы международных мигрантов: прибывающие мигранты и выбывающие мигранты. Каждая из укрупненных групп включает в себя следующие категории: долгосрочные мигранты, безвозвратные мигранты, мигранты «на сезон», циркулярные мигранты, нелегальные мигранты, приграничные мигранты, вынужденные мигранты, кочевники, дипломаты и другие правительственные чиновники (например, военные), паломники, туристы и экскурсанты. На сегодняшний день данная классификация международных мигрантов считается наиболее полной.

Классификация субъектов миграции, представленная в Указе Президента РФ от 9 августа 1994 г., стала основой Федеральной миграционной программы на 1998–2019 годы, которая была утверждена Постановлением Правительства РФ от 10 ноября 1997 г. № 1414⁶. Понятие «субъект миграции» в Программе заменили на понятие «мигрант». Сохранились шесть категорий мигрантов. Категорию «субъекты внутренней социально-экономической миграции» заменили на «субъекты внутренней миграции», к которым дополнительно отнесли лиц, не имеющих законных оснований пребывать на территории России и перемещаться по ней. Также расширили круг лиц с ограничениями на право въезда и пребывания в России, а также лиц, которые попадали под категорию иммигрантов.

Сегодня для трактовки понятия «иммигрант» используется множество подходов, однако наиболее распространены следующие: лица, родившиеся за границей (с обычным местом жительства в этой стране, но родившиеся за границей) и иностранцы (лица с местом жительства в этой стране, но не имеющие гражданства)⁷. Второй подход использовался, чтобы определить понятие «иммигрант» в тексте Федеральной миграционной программы на 1998–2000 годы. Однако когда закончилось действие Программы, новые нормативные акты, которые устанавливали классификацию мигрантов, не принимали.

Нормативное закрепление классификации не позволяет взять в расчет все теоретически и реально существующие категории мигрантов, значение

³ Статья 1 Конвенции ООН о статусе беженцев 1951 года, Refworld CD-Rom, UNHCR. Geneva, 1997.

⁴ Castles S. International Migration 2000 // International Social Science Journal. Vol. 165. P. 270–271.

⁵ Калачикова О.Н., Будилов А.П. К вопросу об измерении миграционных процессов // Проблемы развития территории. 2018. № 4 (96). С. 8.

⁶ СЗ РФ. 1997. № 47. Ст. 5406.

⁷ Шмачкова А.Н. Эффективность миграционной политики в современной России // Научные записки молодых исследователей. 2019. № 4. С. 13.

имеют категории мигрантов, предполагающие установление специального правового статуса. С целью правового регулирования статуса лиц, которые осуществляют перемещения, достаточно выделения одной общей категории «международных мигрантов», в ходе использования которой важно брать в расчет международные соглашения с отдельными странами.

Нормативно закреплённая классификация должна делить мигрантов на категории, используя территориальный признак: перемещающиеся через государственную границу (международные мигранты) и перемещающиеся внутри государства (внутренние мигранты). Важно также использовать разные подходы для правового регулирования статуса иммигрантов и эмигрантов. В первую очередь, государство заинтересовано в учете лиц, прибывающих на его территорию, так как это непосредственно влияет на экономику, стабильность рынка труда, демографическую ситуацию, уровень преступности. Для регулирования статуса эмигрантов значение имеет правовая защита собственных граждан, которые находятся за пределами страны своего гражданства.

При выделении категорий мигрантов также необходимо учитывать сроки перемещения, так, перемещения могут быть краткосрочными и долгосрочными, то есть постоянными. Можно считать, что мигрант совершил постоянную миграцию, если срок передвижения составляет более одного года, иначе мигрант считается краткосрочным.

В настоящее время распространена точка зрения, что лицо является мигрантом исключительно в случае долгосрочных или безвозвратных перемещений. Так, по предложению А.И. Паныпина мигрантом необходимо назвать лицо, которое совершило перемещение через границы и внутри государства с целью смены места жительства на продолжительный срок (на срок более года)⁸.

На практике достаточно сложно доказать безвозвратность перемещения, так как намерение мигранта остаться в определенном месте субъективно и в дальнейшем может меняться по вполне объективным причинам. Вероятно, необходимо выделять группы мигрантов, которые желают получить гражданство страны пребывания и подтверждают собственное желание, например, подавая пакет требуемых для этого документов.

Классификация по цели прибытия является общепринятой. В связи с этим необходимо закрепление категории трудящихся-мигрантов законодательно. Несмотря на то, что Россия — участник международных соглашений, которые посвящены защите прав трудящихся-мигрантов, правовая система не содержит даже понятия «трудящийся-мигрант», и тем более в ней нет механизма регулирующего статус данных лиц. Целесообразно внести в

Трудовой кодекс Российской Федерации отдельную главу, которая посвящена трудящимся-мигрантам.

Полагаясь на признак добровольности, необходимо выделить категорию вынужденных мигрантов (беженцев, лиц, которые ходатайствуют о признании беженцами, вынужденных переселенцев, лиц, которые ищут убежище, и лиц, которые получили убежище). В связи с этим распространение получила точка зрения, в соответствии с которой «беженец» и «вынужденный переселенец» — это специальные правовые статусы. Реальное обретение данных правовых статусов приводит к прекращению правоотношений миграции и к возникновению новых правоотношений⁹.

Кроме уже представленных оснований классификации, требуется выделение категории мигрантов по порядку перемещения (легальные и нелегальные мигранты). При этом к категории нелегальных мигрантов необходимо отнести лиц, которые въехали в государство, соблюдая установленные правила въезда, но проживают на незаконных основаниях.

В ходе анализа зарубежного опыта были выделены три главных критерия, которые использовали для определения мигрантов: гражданство, место рождения и место проживания. Реже используют такие критерии, как этническая принадлежность, цель пребывания, множественность гражданства, основания приобретения гражданства, страна рождения родителей.

Критерий места рождения наиболее распространен при оценке количества международных мигрантов. Несмотря на объективность данного критерия, в некоторых ситуациях его использование может спровоцировать сложности (например, изменение границ государства). Кроме того, его нецелесообразно использовать, не вводя дополнительные критерии, так как в таком случае как мигрантов могут учитывать граждан самого государства прибытия. М.А. Тюркин указывает на отсутствие гарантий, что учтенные иностранцы мигрируют¹⁰.

Критерий гражданства тоже является объективным, но он нестабилен — возможно изменение гражданства лица. Этот правовой критерий наиболее предпочтителен для определения международных мигрантов. В ходе его использования требуется дополнительное правовое регулирование статуса лиц, у которых есть множественное гражданство или вообще нет гражданства.

Также распространенным является критерий места жительства, преимущество которого заклю-

⁸ Михайленко Н.В. Международная миграция труда и ее влияние на национальные экономики // Управление. 2019. № 3. С. 129.

⁹ Шевелева Н.П., Савкина Н.Г., Панарина Д.А. Влияние международной трудовой миграции на социально-экономическое развитие принимающей страны // Общество: социология, психология, педагогика. 2018. № 4.

¹⁰ Марченко Е.И., Пестов Р.А., Соколов В.А. Некоторые вопросы развития миграционного законодательства Российской Федерации в связи с принятием «Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы» // Юристы-Правоведь. 2019. № 4 (91). С. 171.

чается в применении для определения как внутренних мигрантов, так и международных. Рекомендации ООН предлагают именно этот критерий: международный мигрант — это лицо, сменившее место жительства. Основной проблемой, которая возникает при использовании этого понятия, является сложность определения «места обычного жительства». На конференции европейских статистиков предложили использование фактического, а не юридического подхода, то есть понимание под «обычным местом жительства» места, в котором лица каждые сутки проводят большую часть ночного отдыха¹¹.

Однако очевидной остается сложность установления фактического проживания лица в определенном месте на практике. Необходимо дополнительно использовать правовое регулирование статуса лиц, которые работают или иногда проживают в ином населенном пункте, военнослужащих, студентов, а также кочевников. Это требует определения минимального периода проживания в конкретном месте, чтобы получить статус постоянного жителя. В России для определения постоянного места жительства используется юридический подход.

Реже используется такой критерий, как этническая принадлежность. Главным недостатком этого критерия является субъективность. И.В. Плюгина отмечает, что для многонациональных государств использование этого критерия нецелесообразно¹². Согласно ч. 1 ст. 26 Конституции РФ определение и указание национальной принадлежности — право, а не обязанность. Таким образом, если лицо отказывается от определения собственной национальной принадлежности, то его нельзя признать мигрантом по этому критерию.

М.А. Тюркин делает акцент на определенной совокупности правовых отношений, которые возникают у мигрантов в ходе территориальных перемещений, связанных с необходимостью регулирования государством, реализацией собственных интересов и приводящих к приобретению мигрантами в последующем нового правового статуса.

Следовательно, как мигранта можно рассматривать человека, гражданина, который осуществляет пространственное перемещение с целью изменить место жительства на какой-либо срок и получить в результате специальный правовой статус.

Для понятия «мигрант» характерна обобщенность и собирательность. Само понятие в общем виде отражает все ключевые признаки, которые характерны для всех категорий мигрантов. Кроме того, говоря о специальном правовом статусе мигрантов, мы подразумеваем, что данный статус принадлежит определенной категории мигрантов, так как, по сути, специальный правовой статус мигранта отсутствует. В литературе часто встречается мнение, что

необходима разработка «общего правового статуса мигранта»¹³.

Следует также отметить, что в этом случае предоставление специального правового статуса связано с тем, что необходимо восстановить или сохранить за такими лицами общий правовой статус для обеспечения им равенства в доступе к главным правам и свободам и предотвращения дискриминации.

Важно понимать, является ли лицо легальным или нелегальным мигрантом. Следовательно, определение «легального» или «нелегального» статуса мигранта имеет наиболее важное значение. Чтобы предупредить незаконную миграцию, важно дать четкое определение понятию «нелегальный мигрант». Согласно Соглашению о сотрудничестве государств — участников Содружества Независимых Государств в борьбе с незаконной миграцией от 6 марта 1998 года¹⁴ «незаконные мигранты» являются иностранными гражданами и лицами, не имеющими гражданства, а также нарушившими правила въезда, выезда, пребывания или транзитного проезда. Представленное определение может использоваться для целей международного акта.

Необходимо также трактовать понятие «легальный мигрант». При этом значение данного понятия будет более широким, чем понятие «иммигрант, въехавший или находящийся на территории Российской Федерации незаконно», так как будет иметь отношение и к гражданам Российской Федерации, которые незаконно пребывают на определенной территории.

Вне зависимости от легальности нахождения мигранта на территории страны после прибытия в страну или перемещения по ней мигрант выступает как субъект права, участник правоотношений. Как у человека, у лица есть общая правоспособность и дееспособность, но когда лицо становится мигрантом, у него появляется специальная правоспособность: он выступает как субъект миграционных отношений. При этом специфика такой юридической категории предполагает, что мигрант должен пройти определенные процедуры, регламентирующие приобретение, состояние и утрату статуса.

На положение мигранта влияет его правовой статус, то есть то, является ли лицо гражданином России, иностранцем или лицом без гражданства. Статус гражданина дает ему права. В связи с этим внутренняя миграция реализуется на базе равных возможностей на свободное передвижение, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации для каждого находящегося на ее территории законно. Внешняя миграция имеет связь с государственным иммиграционным контролем над миграционными потоками иностранных граждан и лиц без гражданства.

¹¹ Рекомендации конференции европейских статистиков по проведению переписей населения и жилищного фонда 2010 года. ООН, 2006, пункт 162. URL: www.unece.org/stats/publications/.2010.Rus.pdf

¹² Плюгина И.В. Понятие мигранта и основные категории мигрантов // Журнал российского права. 2007. № 8.

¹³ Филашов Е.В. Понятие миграции, незаконной миграции и борьбы с незаконной миграцией // Образование и право. 2020. № 3. С. 163.

¹⁴ Содружество. Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ. 1998. № 1. С. 81–86.

Для статуса мигранта также значим постоянный или временный характер миграции. Правовое положение мигрантов, которые переезжают в Россию на постоянное место жительства, отличен от статуса временных мигрантов, которые прибывают по особой квоте.

Таким образом, закрепление понятия «мигрант» и его категорий законодательно может содействовать их единообразному использованию и исключению разночтений. Для правового регулирования это понятие должно включать как основной критерий отнесения лица к категории мигрантов, так и некоторые дополнительные критерии, такие как гражданство, территория перемещения, место жительства и др.

Представляется, что как мигранта следует рассматривать человека, гражданина, который осуществляет пространственное перемещение через границы для изменения места жительства на какой-либо срок и приобретения специального правового статуса.

С учетом дифференцированного подхода государства к решению проблем разных категорий мигрантов особое значение имеет нормативное закрепление их классификации. Нормативное

закрепление классификации не позволяет учесть все категории мигрантов, значение в этом контексте имеют лишь те, что устанавливают специальный правовой статус. Нет необходимости включать в классификацию все категории мигрантов, которые существуют в теории и на практике, а лишь те, для которых необходимо специальное правовое регулирование.

Основной нормативной классификации мигрантов должно быть деление мигрантов на категории в зависимости от территориального признака: перемещающиеся через государственную границу (международные мигранты) и перемещающиеся внутри государства (внутренние мигранты). Однако важно различать подходы к правовому регулированию статуса иммигрантов и эмигрантов. В первую очередь, следует учитывать лиц, прибывающих на территорию России, так как это влияет на стабильность рынка, экономику, демографическую ситуацию, а также на уровень преступности. Говоря о регулировании статуса эмигрантов, важно понимать, что в этом случае особо важна правовая защита собственных граждан, которые находятся за пределами страны гражданской принадлежности.

Литература

1. Исаев А.А. Переселения в русском народном хозяйстве / А.А. Исаев. Санкт-Петербург : А.Ф. Цинзерлинг, 1891. 192 с.
2. Калачикова О.Н. К вопросу об измерении миграционных процессов / О.Н. Калачикова, А.П. Будилов // Проблемы развития территории. 2018. № 4 (96). С. 7–17.
3. Марченко Е.И. Некоторые вопросы развития миграционного законодательства Российской Федерации в связи с принятием «Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы» / Е.И. Марченко, Р.А. Пестов, В.А. Соколов // Юрист-Правовед. 2019. № 4 (91). С. 169–174.
4. Михайленко Н.В. Международная миграция труда и ее влияние на национальные экономики / Н.В. Михайленко // Управление. 2019. Т. 7. № 3. С. 127–132.
5. Плюгина И.В. Понятие мигранта и основные категории мигрантов / И.В. Плюгина // Журнал российского права. 2007. № 8. С. 107–115.
6. Сланова А.Ю. Миграционные процессы в современной России / А.Ю. Сланова // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2017. Т. 6. № 4 (21). С. 417–420.
7. Филашов Е.В. Понятие миграции, незаконной миграции и борьбы с незаконной миграцией / Е.В. Филашов // Образование и право. 2020. № 3. С. 160–163.
8. Шевелева Н.П. Влияние международной трудовой миграции на социально-экономическое развитие принимающей страны / Н.П. Шевелева, Н.Г. Савкина, Д.А. Панарина // Общество: социология, психология, педагогика. 2018. № 4. С. 16–24.
9. Шмачкова А.Н. Эффективность миграционной политики в современной России / А.Н. Шмачкова // Научные записки молодых исследователей. 2019. Т. 7. № 4. С. 11–28.

References

10. Castles S. International migration at the beginning of the twenty-first century: global trends and issues / S. Castles // International Social Science Journal. 2000. Vol. 52. P. 269–281.

ПРОБЛЕМА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ АВТОРСКИХ ПРАВ НА ПРОИЗВЕДЕНИЯ, СОЗДАННЫЕ ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ

Разумов Павел Владимирович,
генеральный директор общества с ограниченной ответственностью
«Юридическая компания «Разумов и партнеры»,
кандидат юридических наук
razumov_pavel@bk.ru

Кушеев Сергей Юрьевич,
заместитель генерального директора
Общества с ограниченной ответственностью
«Юридическая компания «Разумов и партнеры»
info@stavlex.ru

Авторы исследуют проблемы правового регулирования авторских прав на произведения, созданные искусственным интеллектом. Приводят примеры судебной практики, связанной с использованием технических средств при создании объектов интеллектуальной собственности. Анализируют понятие «искусственный интеллект» и рассматривают возможности правового регулирования отношений, связанных с участием искусственного интеллекта.

Ключевые слова: авторское право, произведение, гражданин, правоспособность, искусственный интеллект.

Problem of Legal Regulation of Copyright to Works Created by an Artificial Intelligence

Razumov Pavel V.
Director General of Razumov and Partners
Law Company Limited Liability Company
PhD (Law)

Kuscheev Sergey Yu.
Deputy Director General of Razumov and Partners
Law Company Limited Liability Company

The authors consider the problems of legal regulation of copyright in works created by artificial intelligence. Examples of judicial practice related to the use of technical means in the creation of intellectual property are given. They analyze the concept of artificial intelligence and consider the possibilities of legal regulation of relations related to the participation of artificial intelligence.

Keywords: copyright, work, citizen, legal capacity, artificial intelligence.

В наше время перспектива создания искусственного интеллекта (далее по тексту — ИИ) является предметом не фантастических размышлений, а объективно ожидаемым итогом развития человеческих технологий.

ИИ уже воспринимается не как что-то созданное в далеком будущем, а как объект, который может стать частью повседневной жизни уже текущих поколений. Вопрос лишь в том, произойдет ли это в форме некой технической революции или войдет в обиход постепенно за счет распространения новых технических средств в различных областях деятельности.

В связи с этим актуальность правового регулирования сферы отношений, связанных с использованием ИИ, очень быстро может перерасти из теоретической в сугубо практическую плоскость.

Отметим, что в настоящее время как в России, так в других странах мира мы не нашли каких-либо

нормативных актов, прямо регламентирующих правовой статус ИИ. Межгосударственное регулирование ограничивается декларативными заявлениями о важности этой проблемы и рекомендациями, содержащими пространные принципы, которыми следует руководствоваться в этой области.

Так, в Европе принята резолюция Европейского Парламента от 16 февраля 2017 г. «Нормы гражданского права о робототехнике», которая констатирует отсутствие специальных правовых норм, регулирующих робототехнику, и указывает на необходимость переосмысления существующей системы правового регулирования в целом с учетом развития технологий искусственного интеллекта¹.

¹ European Parliament resolution of 16 February 2017 with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics. URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/>

В России Указом Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 утверждена Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 г.², в которой приводятся цели и основные задачи, приоритетные направления развития и использования технологий ИИ, механизмы их реализации. При этом наиболее приближенной к сфере практических реализаций научных достижений является область технического регулирования и стандартизации.

Однако и здесь осуществляется лишь планирование разработки стандартов для техники на основе ИИ.

В частности, в Программу национальной стандартизации, утвержденную Приказом Росстандарта от 1 ноября 2019 г. № 2612, включен раздел «ТК 164 Искусственный интеллект», предусматривающий разработку в период 2020–2022 гг. ГОСТов с общими требованиями к технологиям ИИ (терминология, обеспечение безопасности, оценка качества), а также требованиями к использованию этих технологий в отдельных сферах (в клинической медицине, образовании, видеонаблюдении)³.

Конечно, отсутствие конкретных нормативных требований к ИИ обусловлено простой причиной — фактическим отсутствием таких технологий в их полноценном виде.

Однако сама по себе перспектива появления ИИ, а также особый характер этой технологии, претендующей на конкуренцию с человеческим мышлением, бросает беспрецедентный вызов существующей правовой системе.

Анализ литературы и справочной информации показал, что до настоящего времени нет единого и общепринятого понятия ИИ.

Не вдаваясь в научные дискуссии юристов по этому вопросу, обратимся к тем определениям, которые закреплены действующим законодательством РФ.

Согласно ГОСТ 15971-90, введенному в действие еще в 1990 г. и сохраняющему свою силу в настоящее время, искусственный интеллект — это способность вычислительной машины моделировать процесс мышления за счет выполнения функций, которые обычно связывают с человеческим интеллектом⁴.

«Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года» содержит схожее определение, конкретизируя его отсутствием у этой технологии заранее заданного алгоритма

действий: «Искусственный интеллект представляет собой комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека»⁵.

Такое общее представление об ИИ в целом справедливо, главный признак этой технологии заключается в ее самостоятельной деятельности на основе собственного опыта, полученного без участия человека.

На практике же правовая классификация технологии как искусственного интеллекта может вызвать множество технических сложностей, в связи с чем представляются обоснованными предложения о введении обязательной процедуры технического освидетельствования и регистрации комплексов ИИ в едином реестре с присвоением каждой единице своего уникального номера и иных идентифицирующих признаков (в том числе сведений о создателе).

Считаем, что данная регистрация внесет определенность в состав участников правоотношений, связанных с использованием ИИ, и сделает их максимально прозрачными.

Однако применение этой меры будет носить сугубо технический характер и не разрешит концептуальных вопросов правового статуса ИИ в конкретных областях, в том числе проблему авторского права, а именно кому будут принадлежать исключительные права на произведение, созданное искусственным интеллектом?

Среди цивилистов имеются различные точки зрения по указанному вопросу.

Одни считают возможным признание автором такого произведения разработчика искусственного интеллекта⁶. При этом высказываются мнения о наличии у такого разработчика не авторского права, которым по определению может обладать только непосредственный создатель объекта, а особого вида исключительных прав, в том числе по аналогии с правами на базы данных⁷.

Другие указывают на то, что такие объекты не могут иметь автора, поскольку созданы в отсутствие творческого труда человека⁸. Третьи высказываются за отсутствие насущной необходимости в признании ИИ субъектом авторских прав,

getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+TA+P8-TA-2017-0051+0+DOC+XML+V0//EN

² Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.

³ Приказ Росстандарта от 1 ноября 2019 г. № 2612 «Об утверждении Программы национальной стандартизации на 2020 год» // URL: www.gost.ru

⁴ ГОСТ 15971-90. Государственный стандарт Союза ССР. Системы обработки информации. Термины и определения. М.: Издательство стандартов, 1991.

⁵ Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.

⁶ Понкин И., Редькина А. Искусственный интеллект и право интеллектуальной собственности // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2018. № 2.

⁷ Ролинсон П., Ариевич Е.А., Ермолина Д.Е. Объекты интеллектуальной собственности, создаваемые с помощью искусственного интеллекта: особенности правового режима в России и за рубежом // Закон. 2018. № 5. С. 63–71.

⁸ Гурко А. Искусственный интеллект и авторское право: взгляд в будущее // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2017. № 12.

ссылаясь на ограниченность функций и задач этой технологии⁹.

Судебная практика, сталкиваясь с неординарными случаями создания произведений не человеком, приходит к выводу, что такое произведение не может охраняться авторским правом.

Среди таких дел показательным является судебный процесс *Asochs v. Usorg*, рассмотренный в 2012 г. Федеральным судом Австралии. Суд, рассмотрев вопрос о правах на HTML-код, созданный компьютером, указал, что произведение, написанное программой, не имеет автора и не является объектом авторского права, так как не является продуктом деятельности человека.

Особый общественный резонанс вызвало также дело *Naruto v. David Slater* (2018 г.), рассмотренное Окружным судом Калифорнии. Предметом этого судебного спора являлся иск организации, специализирующейся на защите животных, к фотографу о защите авторских прав на фотографию, сделанную обезьяной на камеру этого фотографа. Здесь суд также пришел к выводу о том, что защита авторских прав не может распространяться на лицо, не являющееся человеком.

Применительно к действующему отечественному праву также в полной мере можно утверждать, что произведение, созданное без участия человека, не будет иметь правовой охраны в рамках института авторского права.

Такой вывод прямо следует из системного толкования статей 1257 и 1228 Гражданского кодекса РФ¹⁰, из которых следует, что автором результата интеллектуальной деятельности признается физическое лицо — гражданин, творческим трудом которого создан такой результат.

При этом в п. 80 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» прямо разъяснено, что результаты, созданные с помощью технических средств в отсутствие творческого характера деятельности человека (например, фото- и видеосъемка работающей в автоматическом режиме камерой видеонаблюдения, применяемой для фиксации административных правонарушений), объектами авторского права не являются.

С учетом указанных требований закона бессмысленны рассуждения о творческом характере деятельности машины: будучи не человеком, она не может быть признана автором независимо от уровня автономности и оригинальности своих действий.

В связи с этим полагаем, что вопрос о наделении ИИ авторскими правами на его произведения

является вопросом о гражданской правоспособности такого автора, а значит, и вопросом о признании за искусственным объектом иных гражданских прав, что для человеческого сообщества на текущей стадии его развития противоестественно и недопустимо.

В области интеллектуальной собственности установление режима правовой охраны авторским правом произведений, созданных ИИ, может привести к негативным последствиям — создание машиной значительного числа произведений за короткое время станет препятствием для реализации человеком прав на использование их аналогов, созданных независимо от ИИ в результате творческой деятельности.

Ввиду таких рисков очевидно, что права на результаты труда ИИ должны регулироваться иным образом.

Если исходить из того, что ИИ является вещью, а его произведения — плодами, можно предположить, что к этим правоотношениям по аналогии подлежит применению статья 136 Гражданского кодекса РФ, согласно которой плоды, продукция, доходы, полученные в результате использования вещи, независимо от того, кто использует такую вещь, принадлежат собственнику вещи.

Однако статья 1227 Гражданского кодекса РФ устанавливает, что интеллектуальные права не зависят от права собственности на материальный носитель и к ним не применяются нормы вещного права.

С учетом изложенного, создание комплексом ИИ какого-либо объекта в условиях действующих норм влечет за собой появление произведения в отсутствие не только автора как такового, но и самих исключительных прав.

В этом случае в силу статьи 1282 Гражданского кодекса РФ такое произведение переходит в общественное достояние, а статья 1337 наделяет создателя ИИ, обнародовавшего произведение, правами публикатора, в том числе правом на указание своего имени на экземплярах обнародованного произведения.

Вместе с тем право публикатора значительно уже авторских прав.

Прежде всего публикатор не имеет право на перевод или другую переработку произведения, на практике это означает, что такое произведение может быть переработано любым лицом без согласия публикатора. Кроме того, срок действия прав публикатора составляет 25 лет, а не 70, как для авторских прав.

Такое ограничение в правах может негативно сказаться на интересе разработчиков к созданию ИИ, а значит, и на развитии этой сферы в целом: специалисты будут обременены проблемами введения результата работы своей технологии в гражданский оборот.

В таких условиях техническая революция требует пересмотра существующей правовой системы и ее приспособления к изменившимся потребностям общества.

⁹ Морхат П.М. Искусственный интеллект: правовой взгляд : научная монография / РОО «Институт государственно-конфессиональных отношений и права». М., 2017. С. 126.

¹⁰ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ // Российская газета. 2006. 22 декабря.

Нет смысла отрицать, что ИИ должен иметь определенный правовой статус, связанный с его создателем-человеком. Такая связь позволит сделать новую технологию полноценным участником реальных правоотношений между людьми.

При этом юридическая наука и практика уже имеет опыт в создании субъектов-фикций, которые связаны обязательствами с человеком, но существуют только на бумаге. Таковым является правовой институт юридических лиц.

Как представляется, разработчики ИИ, зарегистрировав свою систему в вышеупомянутом техническом реестре, смогут затем создать особый вид субъекта гражданских отношений, условно именуемый «цифровой организацией».

В зависимости от вклада в создание ИИ каждый из разработчиков получит определенную долю в капитале такой организации.

Сама «цифровая организация» будет наделяться «цифровым» правом на все произведения, созданные ею и зарегистрированные учредителями в установленном порядке. При этом ответственность за действия «цифровой организации» несут учредители, рискуя в том числе правами на сам ИИ.

В указанном случае роль ИИ будет заключаться исключительно в выполнении той функции, ради

которой он был разработан, — создание произведений, а задача учредителей — управление «цифровой организацией» и определение направления ее деятельности.

Предложенная правовая конструкция позволяет избежать применение к правоотношениям с участием ИИ институтов «авторского права», а также исключает наделение машины самостоятельной правоспособностью.

Названный подход не является универсальным и не может претендовать на статус единственно верного решения рассматриваемой проблемы, поскольку реакция правовой системы и культуры человечества в целом на появление искусственного интеллекта может быть абсолютно непредсказуемой.

Таким образом, несмотря на то, что стремительный научно-технологический прогресс порождает не только новые объекты гражданских прав, такие как виртуальные вещи или криптовалюту, но и новых субъектов — роботов, которые могут создавать произведения искусства, наше общество еще не готово признавать их авторами и правообладателями ИИ. Надеемся, что дальнейшее развитие технологий изменит общее восприятие действительности и приведет к законодательному регулированию данных отношений.

Литература

1. Гурко А. Искусственный интеллект и авторское право: взгляд в будущее / А. Гурко // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2017. № 12. С. 7–18.
2. Морхат П.М. Искусственный интеллект: правовой взгляд : научная монография / П.М. Морхат. Москва : Ин-т государственно-конфессиональных отношений и права, 2017. 257 с.
3. Понкин И. Искусственный интеллект и право интеллектуальной собственности / И. Понкин, А. Редькина // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2018. № 2. С. 35–44.
4. Ролинсон П. Объекты интеллектуальной собственности, создаваемые с помощью искусственного интеллекта: особенности правового режима в России и за рубежом / П. Ролинсон, Е.А. Ариевич, Д.Е. Ермолина // Закон. 2018. № 5. С. 63–71.

Уважаемые авторы!

Вы можете самостоятельно в режиме реального времени получать информацию о статусе статей, направленных для опубликования в ИГ «Юрист». Для этого необходимо отправить с вашего электронного адреса письмо на autor-rq@lawinfo.ru, в теме письма должна быть указана только фамилия, без имени, отчества и др. Обращаем ваше внимание, что адрес для запроса статуса статей отличается от контактного электронного адреса редакции.

Каждый автор может узнать статус только своих статей, направив запрос со своего электронного адреса.

В случае возникновения проблем с получением информации просим обращаться в редакцию по телефону: 8(495) 953-91-08 или по e-mail: avtor@lawinfo.ru

ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОЕ ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО — ВАЖНЕЙШИЙ СУБЪЕКТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИОННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Кобец Петр Николаевич,
главный научный сотрудник
Всероссийского научно-исследовательского института
Министерства внутренних дел Российской Федерации
(ВНИИ МВД России),
доктор юридических наук, профессор
pkobets37@rambler.ru

В качестве объекта исследования автор выбрал роль гражданского общества латиноамериканских государств в борьбе с коррупцией. Автором доказано, что в Латинской Америке институты гражданского общества хоть и имеют в разных государствах различные уровни развития, но они в высокой степени структурированы. Им делается вывод, что коррупционные проявления, по большому счету, являются одним из важнейших показателей разобщенного общества, которое выражается во взаимном недоверии гражданского общества к органам власти и управления, а коррумпированность общества подменяет естественные социальные связи, утраченные обществом. Поэтому один из важнейших путей преодоления коррупционных проявлений выражается в одновременной отладке различных государственных институтов — парламента, политических партий, профсоюзов, независимых судов, свободных СМИ, гражданского контроля и других при синхронном сохранении и укреплении всех элементов социальной структуры, на которую государственные институты будут опираться в дальнейшем.

Ключевые слова: Латинская Америка, гражданское общество, некоммерческие организации, военная диктатура, общество постмодернизма, неоглобализм, молодежные объединения, протестное движение.

Latin America Civil Society is the Most Important Subject of Combating Corruption-Related Crimes

Kobets Petr N.
Chief Research Scientist of the National Research Institute of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation (NRI of the Ministry of the Interior of Russia)
LL.D., Professor

The author chose the role of civil society of Latin American States in the fight against corruption as the object of the study. The author proves that in Latin America, although civil society institutions have different levels of development in different States, they are highly structured. He concludes that corruption manifestations are by and large one of the most important indicators of a divided society, which is expressed in the mutual distrust of civil society to the authorities and management, and the corruption of society replaces the natural social ties lost by society. Therefore, one of the most important ways to overcome corruption manifestations is expressed in the simultaneous debugging of various state institutions-Parliament, political parties, trade unions, independent courts, free media, civil control, etc. with simultaneous preservation and strengthening of all elements of the social structure on which state institutions will be based in the future.

Keywords: Latin America, civil society, non-profit organizations, military dictatorship, postmodern society, neo-globalism, youth associations, protest movement.

Сегодня наибольший интерес у исследователей и практиков вызывают различные аспекты одной из важнейшей проблематики — роли гражданского общества в борьбе с коррупцией¹. И несмотря на то, что в последние годы вопросы борьбы с коррупцией за рубежом исследуются достаточно активно, роль гражданского общества в данном процессе освещена недостаточно полно и в немногочисленных публикациях². Поэтому автору показалось актуальным

провести анализ роли гражданского общества латиноамериканского континента в борьбе с коррупцией.

Рассматривая проблему роли гражданского общества в противодействии коррупции, необходимо сказать о важных теоретических аспектах в этой области. Так, например, интересно обоснование теории корреляции коррупционного проявления и доверия общества, описанной Б. Ротштейном в одной из его научных работ. Используя широкий эмпирический материал, Б. Ротштейн наглядно показал, насколько поведенческие особенности граждан в обществе, их стремление оказывать доверие другим индивидам, а также желание придерживаться общих правил игры прежде всего зависит от убеждений социума относительно того, возможно ли оказывать доверие различным институтам власти в этой стране.

¹ См.: Липинский Д.А. Коррупция как препятствие формированию гражданского общества и правового государства // Гражданское общество в России и за рубежом. 2017. № 2. С. 35–41.

² См.: Трунцевский Ю.В. Гражданское общество против бытовой коррупции (зарубежный опыт) // Гражданское общество в России и за рубежом. 2017. № 2. С. 42–47.

Он также полагает, что проявление недоверия к различным госорганам и чиновникам вследствие их истинной либо предполагаемой коррумпированности неизбежно влекут за собой недоверие на межличностных уровнях. Логично и обоснованно аргументировав обозначенную позицию по данной проблеме, исследователь выделил и описал взаимосвязанные казуальные механизмы, обуславливающие корреляционную связь среди уровней коррупционных проявлений и доверием общества. При этом автор замкнул свою теорию на идеях человеческой природы, суть которой им видится в устремлениях к взаимности. А основанная идея взаимности выражается в том, что большинство людей свои действия сравнивают с возможными действиями в тех же обстоятельствах других лиц. Например, если некоторые люди полагают, что большая часть социума будет осуществлять мошеннические действия в сфере налогообложения или предлагать взятку должностному лицу в целях получения какой-либо личной выгоды, то и эта часть граждан будет вести себя подобным образом, дабы не быть в проигрыше. При этом по принципу взаимности люди будут действовать, когда они будут полагать, что и остальные соблюдают установленные в обществе правила игры. Собственно, положения о взаимности и позволили автору привести доводы и обоснования основных положений о том, что масштаб коррупционных проявлений и доверия в социуме имеет прямую зависимость от конструкции государственных институтов³.

Все составляющие латиноамериканских институтов гражданского общества — представители независимых профсоюзов, политических партий, органов местного самоуправления, независимых средств массовой информации, некоммерческих организаций — стараются опираться на широкую сеть социальных связей. Прежде всего это общинные, церковноприходские, соседские, профессиональные, локальные и другие связи. И несмотря на то, что весь комплекс или отдельные элементы этих связей может показаться чересчур архаичным и унаследованным от доиндустриального периода развития общества, как раз поддержка этих связей способствует усовершенствованию общества постмодернизма. И, собственно, в обозначенных связях и стараются найти поддержку в противодействии коррупции ученые, практики и субъекты борьбы с рассматриваемым злом в латиноамериканских государствах. Они отмечают именно то, что исключительно в обозначенных системах социальных связей происходит зарождение и дальнейшее распространение доверия, являющееся ключевым моментом, обуславливающим сопротивление общества большинству пороков, возни-

³ См.: Ротштейн Б. Коррупция и общественное доверие: почему рыба гниет с головы // Антиномии. Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. 2017. Т. 17. Вып. 1. С. 52.

кающим в общественной системе, и прежде всего проявлениям коррупции⁴.

Гражданское общество латиноамериканских государств во все времена было жизнеспособно и устойчиво, невзирая на наличие различных неблагоприятных воздействий в отношении его. Структура и организация помогла ему выжить даже в сложный период военной диктатуры в Уругвае, Аргентине, Чили, при всем при этом создавались и поддерживались определенные социальные отношения, которые не могли контролироваться авторитарными режимами.

Сегодня все чаще стала озвучиваться позиция о том, что гражданское общество латиноамериканских государств замедляет свое развитие в период неоглобализма. Так, в частности, чилийским социологом Хуаном Карлосом Гомесом Лейтоном было высказано мнение относительно низкого уровня гражданской активности и политической заинтересованности в Чили и была отмечена некая эрозия «культуры солидарности», которая существовала в сложные для страны времена, при пиночетовском режиме, и выступала в качестве неотъемлемой части жизни чилийского социума. Он также полагает, что такое положение дел в рассматриваемой сфере свойственно и специфично для многих государств Латинской Америки, в которых низовые социальные связи всегда выполняли важнейшее значение, однако в настоящее время они понемногу начинают терять свою роль и ценность⁵.

Но при этом одновременно с указанными процессами Гомесом Лейтоном в последнее время начинают формироваться и проявляются и иные тенденции. Так, в частности, многочисленные акции молодежи и студентов, проходившие в Эквадоре, Перу, Мексике, Чили, Бразилии во втором десятилетии нынешнего тысячелетия, продемонстрировали, что у нынешнего молодого поколения присутствует собственная довольно активная гражданская позиция. Естественно, что она находит свое проявление совершенно не так, как это было в конце прошлого и начале нового столетия, и это совершенно естественно. В настоящее время, в век стремительного поступательного движения, создаваемого неформальными молодежными объединениями, молодое поколение начинает динамично и воинственно принимать участие в протестном движении. Сложившаяся ситуация стала характеризоваться большинством политологов, как появление очередного субъекта большой политики, который ими был назван «борющимся поколением»⁶.

⁴ См.: Martinez Coral P. La corrupcion en Colombia: necesidad de refundar las bases de la confianza social // Contexto: Revista de derecho y economia. 2011. № 35. P. 87.

⁵ См.: Gomez Leyton J.C. Chile 1990–2007. Una Sociedad Neoliberal Avanzada // Chile Hoy. Revista de Sociologia. 2007. No. 21, P. 57–59.

⁶ См.: Nufiez R. Generation, acontecimiento, perspectiva. Pensar el cambio a partir de Brauil // Nueva Sociedad. 2014. No. 251. P. 42–54.

По выражению многих зарубежных специалистов, для «борющегося поколения» не характерны пассивность и конформизм, которые были присущи неолиберальной эпохе. «Борющемуся поколению» не свойственно терпение, толерантность, принятие компромиссных решений. Воздействие указанных детерминант на развитие политической стабильности большинства демократических режимов латиноамериканских государств до настоящего времени пока что еще не в полной мере просчитано и не исключено, что может оказаться в действительности более чем контрадикторным⁷. И в этой связи необходимо согласиться с аргентинским политологом Исидро Адурисом, который отмечает, что сегодня мы уже говорим о качественном изменении, которые создают формат новой эпохи, о преобразованиях, которые касаются институтов, принципов, процессов и форм гражданского выражения⁸.

В этой связи возможно отметить, что векторы политического эволюционирования латиноамериканских государств не спеша, но методично разворачиваются в русло максимального учета региональной социокультурной действительности. Ряд современных исследователей рассматриваемые тенденции называют коммунитарной демократией⁹. Это тип, включающий в себя различные методы воздействия представителей гражданского общества на властные структуры, не вписывающиеся в другие типы участия в управлении государством. Такой вид демократии включает в себя различные контакты органов власти и социумы, позволяющие представителям гражданского общества высказывать свою позицию применительно к осуществляемой государственными органами власти и управления политике, а также заявлять протест и продолжать общее направление, связанное с дальнейшей модернизацией.

Таким образом, есть повод полагать и надеяться на то, что на текущем направлении в латиноамериканских государствах будет возможно формирование и построение таких социальных институтов, которые в дальнейшем позволят искоренить коррупционную преступность или же существенно снизить ее сегодняшний уровень.

Ключевым правилом, связанным с укреплением доверия гражданского общества к действующей власти, повсеместно признается проведение эффективной социальной политики. Итоги, которые были достигнуты государствами Латинской Америки в реализации социальных задач, в частности, по сокращению бедности и неравенства, во втором

десятилетии XXI столетия четко указывают на преимущества демократического строя, без которого перечисленные результаты достигнуть не представилось бы возможным¹⁰.

Многие специалисты отмечают, что коррупция разрушает не только государственно-административную систему, но в том числе и систему общественно-политическую. Тем самым приводит в негодность не только государственные механизмы, но и общественные отношения в целом. Коррупция дорога для общества, поскольку общество вынуждено рассчитываться за нее, неся высокие издержки в экономике, потери темпов социального и экономического развития и др.

Ряд ученых предлагает внести различия в понятие коррупционное и коррумпированное государство, отмечая, что в государстве коррумпированном проявления коррупции создают неформальные институты, ухудшающие работоспособность его механизмов. Такие государства менее эффективны, и после того как некоторый критический уровень коррумпированности в них превышает, они перестают эффективно выполнять свои функции и превращаются в страны, которым присваивается рейтинг недееспособности государства — *failed state*¹¹. В государстве коррупционном неформальные институты представляют из себя теневую часть государственных институтов и учреждений, участвующих в реализации государственных задач. В подобных государствах обществом оплачивается содержание госаппарата два раза. Во-первых, по легальным каналам посредством доходов от госпредприятий и поступающих налогов. Во-вторых, по незаконным каналам посредством хищений, взяток, откатов, распилов и др. В конечном итоге, вследствие рассмотренных процессов содержание коррупционного государства для собственных граждан обходится намного затратнее. И если еще учесть тормозящее воздействие коррупции на экономический сектор, то результаты окажутся еще хуже¹².

Подобные страны рентабельны только для господствующих в них политических элит, поскольку в таких государствах обеспечивается материальный и политический интерес главенствующих и доминирующих групп, который выражается в завладении материальными и политическими ресурсами государства. С позиции потребностей гражданского общества результативность таких государств выражается не только в снижении экономических темпов, но и в уменьшении благосостояния большей части социума, а также в потере возможности страны

⁷ См.: Vommaro P. La disputa por lo publico en America Latina. Las juventudes en las protestas y en la construccion de lo comun // Nueva Sociedad. 2014. No. 251. P. 55–69.

⁸ См.: Aduriz I., Ava P. Construccion de ciudadanía: experiencia de la implementation de un indice de participation ciudadana en America Latina // America Latina Hoy. 2006. Vol. 42. P. 15–35.

⁹ См.: Костогрызов П.И. Конституционализация юридического плюрализма в латиноамериканских странах: сравнительный анализ национальных моделей // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 11. С. 73–76.

¹⁰ См.: Chinchon Alvarez J. Democracia y autoritarismo en America Latina: en busca de la decada perdida (1995–2005) // America Latina Hoy. 2007. Vol. 46. P. 173–199.

¹¹ См.: Fragile States Index. UPL: www.fragilestatesindex.org (дата обращения: 25.09.2020).

¹² См.: Ramirez Lopez L., Sanchez Juarez I.L. Crecimiento economico, corrupcion e instituciones en Mexico // Noesis. Revista de Ciencias Sociales y Humanidades. 2013. Vol. 22. № 43. P. 130–131.

обеспечивать ее безопасность от внешних угроз и вызовов.

Как справедливо отмечают специалисты в сфере противодействия организованной преступности в странах Латинской Америки, сегодняшний социум латиноамериканских государств лишен иммунитета от разнообразных соблазнов, связанных с культом легкой наживы и вседозволенности. В то же время многочисленные лозунги и требования властей к согласию, единству, социальной сплоченности, которые озвучиваются, в ситуации, при которой продолжают работать коррумпированные сотрудники полиции и уголовно-исполнительной системы, продажные политики, тонут в обстановке недоверия, опасения и обреченности, характерной для бедных слоев населения Латинской Америки. В обозначенной ситуации проявления коррупции начинают выступать в качестве первоосновы зла¹³.

¹³ См.: Давыдов В.М., Мартынов Б.Ф., Ивановский З.В., Чумакова М.А., Пятаков А.Н., Попова Н.А. Организованная

В настоящее время, чтобы начать активно противодействовать коррупционным проявлениям в государствах Латинской Америки, требуется как политическая воля руководителей этих государств, так и существенное финансовое вливание в правоохранительные органы и правоприменительные структуры. А необходимым объемом финансовых средств для реформирования правоохранительных структур обладают далеко не все страны, оказавшиеся в фокусе криминальных событий, связанных с проявлениями коррупционной преступности. Таким образом, для эффективной борьбы с коррупцией, помимо наличия у властей финансовых возможностей и реального политического желания преодолеть это явление, в обязательном порядке необходима поддержка и содействие институтов гражданского общества.

преступность — вызов безопасности Латинской Америки // Аналитические тетради РАН / отв. ред. Б.Ф. Мартынов. М.: ИЛА РАН, 2014. С. 50.

Литература

1. Костогрызов П.И. Конституционализация юридического плюрализма в латиноамериканских странах: сравнительный анализ национальных моделей / П.И. Костогрызов // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 11. С. 73–76.
2. Липинский Д.А. Коррупция как препятствие формированию гражданского общества и правового государства / Д.А. Липинский // Гражданское общество в России и за рубежом. 2017. № 2. С. 35–41.
3. Давыдов В.М. Организованная преступность — вызов безопасности Латинской Америки / В.М. Давыдов, Б.Ф. Мартынов, З.В. Ивановский [и др.] // Аналитические тетради РАН / ответственный редактор Б.Ф. Мартынов. Москва: ИЛА РАН, 2014. 96 с.
4. Ротштейн Б. Коррупция и общественное доверие: почему рыба гниет с головы / Б. Ротштейн // Антиномии. 2017. Т. 17. № 1. С. 37–60.
5. Трунцевский Ю.В. Гражданское общество против бытовой коррупции (зарубежный опыт) / Ю.В. Трунцевский // Гражданское общество в России и за рубежом. 2017. № 2. С. 42–47.

References

6. Aduriz I. Construcción de ciudadanía: experiencia de la implementación de un índice de participación ciudadana en América Latina / I. Aduriz, P. Ava // América Latina Hoy. 2006. Vol. 42. P. 15–35.
7. Chinchon Alvarez J. Democracia y autoritarismo en América Latina: en busca de la década perdida (1995–2005) / J. Alvarez Chinchon // América Latina Hoy. 2007. Vol. 46. P. 173–199.
8. Leyton J.C.G. Chile 1990–2007. Una Sociedad Neoliberal Avanzada / J.C.G. Leyton // Chile Hoy. Revista de Sociología. 2007. Vol. 21. P. 57–59.
9. Martínez Coral P. La corrupción en Colombia: necesidad de refundar las bases de la confianza social / Coral P. Martínez // Contexto: Revista de derecho y economía. 2011. Vol. 35. P. 77–90.
10. Nufiez R. Generation, acontecimiento, perspectiva. Pensar el cambio a partir de Brauil / R. Nufiez // Nueva Sociedad. 2014. Vol. 251. P. 42–54.
11. Ramirez Lopez L. Crecimiento económico, corrupción e instituciones en México / Lopez L. Ramirez, Juarez I.L. Sanchez // Noesis. Revista de Ciencias Sociales y Humanidades. 2013. Vol. 22. Iss. 43. P. 105–133.
12. Vommaro P. La disputa por lo público en América Latina. Las juventudes en las protestas y en la construcción de lo común / P. Vommaro // Nueva Sociedad. 2014. Vol. 251. P. 55–69.

Уважаемые авторы!

Просим вас тщательно проверять перед отправлением в редакцию общую орфографию статей, а также правильность написания соответствующих юридических терминов, соблюдение правил научного цитирования и наличие необходимой информации. Обращаем ваше внимание на то, что автор несет личную ответственность за оригинальность текста, а также за достоверность приведенных данных и точность цитируемых текстов.

ИДЕИ В.Ф. ДЕРЮЖИНСКОГО О РОЛИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ФОРМИРОВАНИИ И ПРОВЕДЕНИИ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА

Тушканов Игорь Валентинович,
исполняющий обязанности заведующего кафедрой теории
и истории права и государства
Волгоградского государственного университета,
кандидат исторических наук,
кандидат юридических наук, доцент
tushkanov@volsu.ru

В настоящей статье на основе анализа работ В.Ф. Дерюжинского обосновывается актуальность его политико-правовых взглядов на плодотворность сотрудничества органов государственной власти и структур гражданского общества в сфере благотворительности. Также рассматривается Устав Донского попечительства, как пример общественной организации, тесно взаимодействующей с региональными органами власти в деле оказания помощи нуждающимся людям.

Ключевые слова: благотворительность, гражданское общество, Дерюжинский В.Ф., социальная политика государства, учение о праве и государстве.

Ideas of V.F. Deryuzhinskiy on the Role of Civil Society in the Establishment and Conducting the State Social Policy

Tushkanov Igor V.
Acting Head of the Department of Theory and History of Law and State
of the Volgograd State University
PhD (History), PhD (Law), Associate Professor

This article is based on the analysis of V. F. Deryuzhinskiy's works and substantiates the relevance of his political and legal views on the fruitfulness of cooperation between state authorities and civil society structures in the field of charity. The article also considers the Charter of the don guardianship as an example of a public organization that closely cooperates with regional authorities in providing assistance to people in need.

Keywords: charity, civil society, Deryuzhinskiy V.F., social policy of the state, the doctrine of law and the state.

Выдающийся русский юрист Владимир Федорович Дерюжинский (1861–1920) был известным специалистом в области полицейского (административного) права, профессором ряда вузов Российской империи. Помимо научной и преподавательской работы, он активно занимался общественно-политической деятельностью. Как обоснованно указывал К.С. Бельский, главными темами его исследований были «четыре проблемы: 1) внутреннее управление и его отрасли; 2) «полиция печати» (управление печатью); 3) гарантии прав и свобод; 4) общественное призрение»¹. В последние годы в современной российской юридической науке возрастает интерес к научному наследию В.Ф. Дерюжинского. Например, обстоятельный обзор его политико-правовых идей сделан в статьях Д.С. Геворкян². В то же время воззрения Владимира Фе-

доровича о роли структур гражданского общества в формировании и проведении социальной политики еще не получили должного освещения. Между тем этот аспект его взглядов имеет особую ценность, учитывая специфику взаимоотношений гражданского общества и Российского государства. Хотя именно социальная поддержка нуждающихся является одной из немногих форм сотрудничества власти и общества, где идеологические и политические разногласия участников должны проявляться в последнюю очередь. Наоборот, общая благотворительная деятельность способна объединять представителей различных политических группировок.

Как известно, социальная политика государства в прошедшие исторические эпохи принимала различные формы. Одна из древних и наиболее простых из них — прямая передача неимущим людям «милостыни» в виде денежной, вещевой или продовольственной помощи. Но сама по себе такая поддержка решала лишь проблему конкретного человека в определенное время, а нищета как общественное явление продолжала существовать.

Краснодарский университет МВД России, Новороссийский филиал Краснодарского университета МВД России, 17–18 сентября 2015 г. Краснодар, 2014. С. 782–784.

¹ Бельский К.С. Дерюжинский В.Ф. (1861–1920 гг.) — русский ученый-административист // Право и государство: теория и практика. 2007. № 2 (26). С. 26.

² Геворкян Д.С. Благотворительность в контексте осмысления функций государства (по работам В.Ф. Дерюжинского) // Genesis: исторические исследования. 2017. № 11. С. 122–132; Ее же. Проблемы управления государством в работах В.Ф. Дерюжинского // Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности на современном этапе: материалы Международной научно-практической конферен-

В.Ф. Дерюжинский справедливо отмечал: «Призрение бедных составляет собственно лишь часть общего социального вопроса. Тогда как в область этого последнего входят основные вопросы самой общественной организации, под призрением бедных разумеют обыкновенно систему мер, имеющих своею задачею организовать, возможно, лучшую помощь бедным при наличии данных общественных и экономических отношений»³. Следовательно, с его точки зрения, рассматривать необходимо весь комплекс мер социальной политики в отношении нуждающихся слоев населения. Результатом такой политики должно стать сокращение числа потребителей общественной помощи, переход этих людей на самообеспечение.

К концу XIX века в России, как и в большинстве европейских государств, необходимость материальной поддержки неимущим признавалась и гражданским обществом, и государством. В.Ф. Дерюжинский указывал: «Что неимущие заслуживают помощи и что она должна быть оказываема, в этом согласны более или менее все»⁴. Помимо религиозно-нравственных причин, побуждающих людей оказывать помощь ближним, к началу XX века появились и более приземленные мотивы благотворительности. Большинство осознало, что обеспечение хотя бы минимальной материальной поддержки неимущим создает в окружающем мире относительную социально-политическую стабильность. «Но если право бедняка на помощь не вызывает особых разногласий, — отмечал мыслитель, — то далеко нельзя сказать того же относительно способов оказания этой помощи. Главный предмет споров и пререканий в этом отношении составляет роль государства в области призрения бедных, — вопрос о том, должно ли государство вмешиваться в это дело и регулировать его, или же оно должно быть всецело предоставлено заботам частной инициативы, частной благотворительности?»⁵. В сущности, это был главный вопрос на протяжении многих веков: должно ли государство брать на себя ответственность в рамках социальной политики, или же помощь малообеспеченным должна оставаться исключительно делом церкви, благотворительных обществ и отдельных филантропов.

В.Ф. Дерюжинский указывал, что «сознание этой необходимости (оказания содействия малоимущим. — И.Т.) глубоко укоренилось во взглядах современного государства и общества, между которыми устанавливается все более тесное взаимодействие в деле организации помощи бедным. Это взаимодействие составляет также очень характерную черту современной нам эпохи. Оно выражается как в дружных, совместных усилиях частной благотворительности и государственного призрения»⁶.

³ Дерюжинский В.Ф. Заметки об общественном призрении. М., 1897. С. 5.

⁴ Там же. С. 6.

⁵ Там же. С. 7.

⁶ Дерюжинский В.Ф. Указ. соч. С. 19.

По его обоснованному мнению, активное взаимодействие структур гражданского общества с различными государственными органами позволяет значительно улучшить систему социальной поддержки населения.

Позитивным примером взаимодействия общества и государства Дерюжинский считал опыт помощи бедным в германском городе Эльберфельде. «В основе эльберфельдской системы, — отмечал он, — лежат принципы, отличающиеся чрезвычайною простотою и практичностью и стремящиеся к индивидуализации дела общественного призрения. Исходным пунктом в ее организации служит то соображение, что каждый неимущий, терпящий нужду и обращающийся за помощью, должен быть рассматриваем и исследуем по отношению к его индивидуальным особенностям. При этом в исследовании тщательное внимание обращается на выяснение как характера, причины и степени нужды, так и индивидуальных особенностей нуждающегося — степени физического и нравственного развития его, занятий, образа жизни, привычек и склонностей и т.д. Оказываемая в каждом данном случае помощь должна соответствовать тем условиям, совокупность которых составляет индивидуальность этого случая»⁷. Естественно, что провести тщательное исследование условий жизни каждого обращающегося за помощью возможно только с помощью общественных активистов, добровольных помощников.

В.Ф. Дерюжинский обоснованно утверждал, что, «как видно из этой основной черты рассматриваемой системы, практическое применение ее предполагает участие большого количества лиц, которые могли бы взять на себя труд индивидуализации случаев призрения, собирания необходимых сведений о людях, обращающихся за пособием, об их жизни, занятиях и т.д.»⁸. Причем речь идет не просто об обществе, а о социально активных гражданах, которые готовы жертвовать своим временем для проведения надлежащего исследования. Важным моментом в исследовании условий жизни является проверка, нет ли у просящего иных возможностей (фактических или потенциальных) для поправления своего материального положения. Следовательно, речь идет о достаточно развитом и ответственном гражданском обществе или как минимум его элементах.

В качестве новой интересной формы организации помощи бедным на муниципальном уровне В.Ф. Дерюжинский приводил одобренный в марте 1894 г. Московской городской Думой план организации и действий городских участковых попечительств. «Городское управление, — отмечает он, — учреждает по мере возможности и средств городские участковые попечительства о бедных из лиц обоого пола, принявших на себя обязанность определенными ими самими ежегодными денежными взносами или личным трудом содействовать

⁷ Там же. С. 22.

⁸ Дерюжинский В.Ф. Указ. соч. С. 23.

делу призрения бедных»⁹. То есть органы местного самоуправления берут на себя обязанность организовать неравнодушных горожан, чтобы объединить их усилия (по мере возможностей) по оказании помощи бедным.

Следует отметить, что В.Ф. Дерюжинский, как и многие либералы, брал за образец европейский опыт (Эльберфельд), обращал внимание на столицы (Москва), но практически игнорировал провинциальный опыт сотрудничества государственной власти и структур гражданского общества. В то же время во многих регионах Российской империи существовали различные формы частного и государственного взаимодействия в сфере благотворительности. Широко распространены были общественные попечительства о бедных, организованные при региональных приказах общественного призрения. Так, например, в Области Войска Донского еще с 1871 г. действовало Донское попечительство о бедных¹⁰. В соответствии с его уставом, попечительство «имеет целью: а) обнаружение лиц, истинно нуждающихся в пособии; б) удостоверение в действительности нужды лиц, обращающихся в попечительство с просьбами о вспомоществовании; в) изыскание тех именно способов вспомоществования, какие окажутся наиболее существенными; г) распределение между нуждающимися сумм, какими попечительство на этот предмет располагает; д) приобретение и раздача бедным топлива, одежды, обуви, жизненных припасов, лекарств и проч.; ж) способствование помещению престарелых, неизлечимо больных и калек в богоугодные заведения; з) доставление бедным медицинской помощи в их жилищах; и) помещение сирот, детей бедных родителей и подкидышей в воспитательные заведения и доставление им средств к образованию, или обучению мастерствам; к) помощь бедным юношам и девицам по окончании ими воспитания, как обзаведением необходимыми предметами, так и приисканием им занятий»¹¹. Следовательно, задачи данного благотворительного общества и его последующая деятельность были не хуже, чем в Германии или в Москве. Первые два пункта цели Донского попечительства решали именно ту проблему, на которую обращал внимание В.Ф. Дерюжинский, — обнаружение действительно нуждающихся в помощи и проверка их благосостояния.

⁹ Там же. С. 92.

¹⁰ Устав Донского попечительства о бедных. Новочеркасск, 1874. С. 1.

¹¹ Там же. С. 1–2.

В целом, анализируя развитие системы призрения малоимущих, мыслитель справедливо указывал: «Опыт показывает, что как бы ни была хорошо организована помощь бедным со стороны государственных и общественных учреждений, они не в силах удовлетворить вполне той потребности, которая существует в этой помощи. Для частной благотворительности, во всяком случае, остается широкое поле деятельности»¹². Следовательно, разнообразные структуры гражданского общества всегда могут найти себе нишу в сфере социальной помощи различным группам нуждающихся людей. По его мнению, «эти две формы (государственная и общественная. — И.Т.) вспомоществования нуждающимся не мешают, а напротив, помогают одна другой, служа одной общей цели, хотя и несколькими различными средствами. Различие это вызывается некоторой разницей в исходных точках зрения обеих форм призрения. В устройстве государственного призрения более преобладает точка зрения государственных интересов, отношение к нужде, как явлению общественному; частной благотворительной деятельности на первый план выступают индивидуальные особенности каждого нуждающегося»¹³. Таким образом, сочетание социальной политики государства, деятельности органов местного самоуправления и частной благотворительности даст наилучшие результаты в деле помощи малоимущим. Следовательно, односторонний перекокс в сторону той или другой формы сопряжено с неизбежными недочетами и проблемами. Но их параллельное существование и гармоничная деятельность способны обеспечить более полное достижение общей цели — оказывать понастоящему действенную помощь в нужде.

Таким образом, можно отметить, что идеи, высказанные В.Ф. Дерюжинским о взаимодействии государственных органов и структур гражданского общества в деле благотворительности, сохраняют свою актуальность для современной России. Именно сочетание четких законодательных требований к понятию «нуждающийся», обязательных для бюджетных учреждений, и возможности общественных организаций учитывать различные особые обстоятельства позволит наиболее эффективным образом обеспечивать социальную поддержку малоимущим.

¹² Дерюжинский В.Ф. Заметки об общественном призрении. М., 1897. С. 45.

¹³ Там же. С. 46.

Литература

1. Бельский К.С. Дерюжинский В.Ф. (1861–1920 гг.) — русский ученый-административист / К.С. Бельский // Право и государство: теория и практика. 2007. № 2 (26). С. 26–29.
2. Геворкян Д.С. Благотворительность в контексте осмысления функций государства (по работам В.Ф. Дерюжинского) / Д.С. Геворкян // Genesis: исторические исследования. 2017. № 11. С. 122–132.
3. Геворкян Д.С. Проблемы управления государством в работах В.Ф. Дерюжинского / Д.С. Геворкян // Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности на современном этапе: материалы Международной научно-практической конференции (г. Новороссийск, 17–18 сентября 2015 г.): сборник научных статей. Краснодар: Издательский Дом-Юг, 2014. С. 782–784.
4. Дерюжинский В.Ф. Заметки об общественном призрении / В.Ф. Дерюжинский. Москва: Кн. маг. Гросман и Кнебель (И. Кнебель), 1897. 115 с.

ЗНАЧЕНИЕ КОНСТИТУЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ УЧЕНИИ А.И. ГЕРЦЕНА*

Овчаренко Владлена Владимировна,
студентка 2 курса магистерской программы
«История, теория и философия права»
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)
vvovcharenko@edu.hse.ru

В статье раскрыто одно из значений, которое А.И. Герцен вкладывает в понятие «конституция». Герцен рассматривает конституцию в роли щита с двумя лицевыми сторонами, одна из которых защищает личность от государственного гнета, а другая — государство от революции. Принятие конституции означает лишение государством монопольного статуса политического субъекта. Граждане, чьи права конституционно закреплены, представляют собой не рабов, а личностей, образуя тем самым сферу, по своему содержанию тождественную понятию «гражданское общество», вследствие чего коммуникация между ними и обществом осуществляется посредством субъект-субъектной (диалога), а не субъект-объектной коммуникации (монолога). Однако ответ на вопрос о том, кто является бенефициаром принятия конституции, не так очевиден, поскольку государство, вовремя признающее за гражданами требуемые ими права, тем самым успешно маскируется под социальный институт и не может быть распознано обществом в качестве чужеродного микроорганизма.

Ключевые слова: Герцен, конституция, конституционные права, личность, государство, власть, ограничение.

Significance of Constitution in the Political Doctrine of A.I. Gertsen

Ovcharenko Vladlena V.
2nd Year Student of the Master's Educational Program History,
Theory and Philosophy of Law of the National Research University Higher School
of Economics (NRU HSE)

The article reveals one of the meanings that A.I. Herzen puts into the concept of «constitution». Herzen considers the constitution as a shield with two front sides, one of which protects the personality from state oppression, and the other the state from revolution. The adoption of the constitution means the deprivation by the state of the monopoly status of a political subject. Citizens whose rights are constitutionally enshrined are not slaves, but personages, thereby forming a sphere identical in content to the concept of «civil society,» as a result of which communication between them and society is carried out through subject-subject (dialogue), and not subject-object communication (monologue). However, the answer to the question of who is the beneficiary of the adoption of the constitution is not so obvious, since the State, which recognizes the rights they require for citizens on time, thereby successfully disguises itself as a social institution, and cannot be recognized by society as an alien microorganism.

Keywords: Herzen, constitution, constitutional rights, personality, state, power, restriction.

Согласно воззрениям Герцена, антиномия между личностью и обществом, заключающаяся в том, что лицо ставит целью себя, общество — себя, а вместе с тем ни личность не может освободиться вне общества, ни общество не может существовать без лица, не только неизбежна, но и необходима, поскольку достижение состояния равновесия тождественно смерти¹. В конституционных монархиях и республиках борьба между личностью и обществом преимущественно осуществляется на правовой арене. Соответственно, в качестве соглашений о временном примирении сторон выступают правовые акты, в первую очередь конституционные, посредством которых государство

признает определенные права человека и обязуется их соблюдать. Таким образом, в данных формах гражданского общежития конституция выступает в роли щита с двумя лицевыми сторонами, одна из которых защищает личность от государственного гнета, а другая — государство от революции.

Наиболее полно значение конституции как средства защиты личности и ее прав раскрывается при сопоставлении европейских государств, в которых приняты конституционные акты, и неконституционной Российской империи. В западном мире конституция, ограничивая власть правительства, выступает в роли барьера, препятствующего полному поглощению государством личности. Законодательно закрепленные личностные права становятся словами, посредством которых народ может вести диалог с государством и

¹ Герцен А.И. Собрание сочинений в тридцати томах. Т. 19. М., 1960. С. 184.

* Подготовка данной публикации была осуществлена в рамках деятельности проектной группы «Интеллектуальная история права: от идей к институтам» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в 2020 г.

не бояться, что, когда государство будет его души́ть, он, немой, не сможет издать даже возгласа. Так, описывая общественную атмосферу, которая воцарилась в Неаполе после дарования в 1848 г. Неаполитанскому королевству конституции, Герцен замечает кардинальное изменение жизни города, которое, в частности, проявилось в том, что народ перестал бояться полицейских служащих, а последние, в свою очередь, притихли настолько, что складывается впечатление, будто их вовсе нет². В этой связи примечателен состоявшийся в этот же временной период диалог Герцена с префектом г. Неаполя графом Тофано, который в ответ на слова собеседника о том, что он не хотел бы отдавать бедняка на истязание полиции, указал на ошибочность его суждения, поскольку народ больше не боится полиции, наоборот, пришел черед полиции бояться народа³.

Значение конституционного закрепления прав граждан заключается и в том, что личностные права могут быть нарушены, в смысле нарушения обязательности соблюдения, только после их признания государством, поэтому если конституционное закрепление прав человека означает проведение государством разделительной линии между ним и народом, признание за последним статуса гражданского общества, то их нарушение — экспансией государства и, соответственно, основанием для выступления общества против него. В работах Герцена можно найти упоминания о событиях, которые подтверждают данный вывод. Так, издание в 1830 г. королевских указов, противоречащих Конституции Франции 1814 г., явилось непосредственным поводом к июльской революции 1830 г.⁴ Подача же при обсуждении манифеста в Финляндском сенате «особого мнения», порицавшего подмену предусмотренного «основными законами» представительного органа послушной правительству комиссией, показывает, что даже принятие номинальной конституции, а именно таковыми и были основные законы Финляндии, формально утвержденные Александром I 15 (27) марта 1809 г., способно стать поводом для появления у народа голоса, поющего не в унисон государству⁵.

Противоположностью законности является военный деспотизм. Из рассматриваемого политического учения следует, что в военных деспотиях государство противопоставляет личности⁶ не свое право, а силу. Следовательно, раз право заменяется силой, то диалог государства и личности — односторонними приказами властителя своим рабам.

«Народ не знал слова «конституция», не требовал прав <...>»⁷, «<...> немой народ, без прав, без защитников, живущий вне закона <...>»⁸ — так характеризует мыслитель правовое положение русского народа. Как замечает Герцен: «<...> у народа в Российской империи нет даже тех печальных прав, на которые могли бы опереться западные народы»⁹. Именно вследствие такого бесправного положения, заключает мыслитель, Николай I не боялся крестьян, немые массы которых можно было раздавить беззвучно и безотгласно¹⁰. Герцен пишет: «В таком государстве, — где и вверху, и внизу — все неволя, рабство, грубая, дерзкая сила, бесправие, ни суда, ни голоса, — одна надежда и была — на милость царскую»¹¹.

Различие между положением гражданина хранящей личную свободу Англии и рабом Российской империи продемонстрировано Герценом на следующем комичном примере: «Опыт распространения добрых коммун решительно не удался императрице (супруге Николая I Александре Федоровне. — В.О.). Какая-то англичанка наняла дом с садом, понравился сад императрице — она в него гулять; но англичанка говорит: «Позвольте, не торопитесь, сад я наняла не для высочайшего, а для собственного своего удовольствия, «прошу прощения, сударыня!» да и дверь на ключ. Какова смелость! Она, верно, не знает, что в России ее послали бы солдатом на Кавказ или в каторжную работу лет на тридцать»¹². Данная ситуация наглядным образом показывает, как одна и та же ситуация ведет к различным концовкам, в зависимости от того, право или силу противопоставляет государство личности. Олицетворением силы, посредством которой Российское самодержавие подавляет любые притязания со стороны личности, являются розги. «Розги везде, — пишет Герцен, — дворовых секут в полиции, крестьян сечет управляющий, сечет староста, — люди-вещи, люди-заклады, крепостные сараи (султанского дворца), продажные семьи, изнасилованные женщины, палками забитые солдаты!»¹³. И если российский народ, сознание которого еще не развито для политических вопросов, по сути, даже не терпит свое бесправное положение, а принимает как должный факт, то вышедшее из западной школы, которая прививает уважение к лицу и его правам, политически совершеннолетнее русское дворянство, представляющее собой образованное меньшинство, с таким положением народа мириться не могло. Как замечает Герцен, «<...> можно

² Герцен А.И. Собрание сочинений в тридцати томах. Т. 15. М., 1955. С. 289.

³ Там же.

⁴ Герцен А.И. Указ. соч. С. 483.

⁵ Там же. С. 358.

⁶ В контексте военной деспотии понятие «личность» использовано не в значении политического субъекта, человека, обладающего представлением о своих личных правах (именно в данном значении понятие «личность» было наделено в контексте монархии / республики), а в значении человека, пускай и поглощенного государством, но онтологически противостоящего ему.

⁷ Там же. С. 198.

⁸ Герцен А.И. Собрание сочинений в тридцати томах. Т. 12. М., 1957. С. 190–191.

⁹ Герцен А.И. Собрание сочинений в тридцати томах. Т. 17. М., 1959. С. 110.

¹⁰ Герцен А.И. Собрание сочинений в тридцати томах. Т. 15. М., 1955. С. 198.

¹¹ Герцен А.И. Собрание сочинений в тридцати томах. Т. 13. М., 1957. С. 39.

¹² Герцен А.И. Указ. соч. С. 16.

¹³ Там же. С. 39–40.

ли это вынести на той степени образования, на которой стояли Пестели, Бестужевы, Муравьевы?»¹⁴.

Поскольку положение народа не могло быть изменено в рамках самодержавной империи, признающей одну личность — монарха, мыслители того времени в качестве средства, с помощью которого народ мог быть освобожден от рабского состояния, видели конституционное ограничение власти. В работах Герцена можно встретить следующие примеры такой одобряемой им политико-правовой мысли. Во введении проекта конституции, составленным Д.И. Фонвизиним под руководством воспитателя будущего императора Павла I графа Н.И. Панина, который провел молодость в Швеции и, изучая конституцию этого государства, желал ввести нечто подобное в России, было указано на то, что «<...> прямое самовластье тогда только вступает в истинное величие, когда само у себя отъемлет власть и возможность к содеянию какого-либо зла»¹⁵. Надежда на то, что самовластье будет употреблено для обуздания самовластья, была выражена и В.Н. Карамзиным в письме к Александру I¹⁶. Целью восстания декабристов было ограничение самодержавия писаным уложением, хранимым выборными людьми, разделение властей, признание личных прав, словом, обобщает Герцен, представительное правительство в западном смысле¹⁷. «Только достижение данных целей, — заключает мыслитель, — позволило бы защищать слабых от чиновников, крепостных от помещиков, а солдат от начальников, поскольку такое зло возможно одолеть только посредством гласности и гражданских учреждений, которые не совместимы с военным деспотизмом»¹⁸.

Как известно, восстание декабристов не привело к ограничению самодержавной власти, поэтому дальнейшая история Российской империи лишь подтверждает тезис мыслителя о несовместимости прав личности и самодержавной империи. «Правда ли, что в прошлом месяце все министры получили печатный манифест, дарующий конституцию?»¹⁹ — такой вопрос задает на страницах «Колокола» Герцен. Однако для читателей является очевидным, что заданный вопрос в контексте других статей о телесных наказаниях крестьян, об истязаниях матросов, о теснении политически сосланных является утверждением о невозможности принятия в России конституции. Даже сам факт издания «Колокола» не в России, а сначала в Лондоне, затем в Женеве является очередным подтверждением ранее обозначенному тезису о несовместимости прав личности и самодержавной империи. Так, на обви-

нение в безопасном сидении за спиной полисмена в Лондоне, которое Герцену предъявили издатели газеты «Современная летопись», он отвечает, что сидит не за спиной полисмена, а за спиной конституции, поскольку свободное слово может раздаться только там, где (если выражаться терминологией обвинителей) спина полицейского ограждает человека от дикой власти, а не там, где спина профессора гнется перед полицейским начальством²⁰.

Однако не только личности, но и государству конституция служит щитом. Произнесенные правителем слова о даровании конституции, подобно мелодии Гамельнского крысолова, способны увести от престола раскачивающие его народные массы. Так, Герцен указывает, что Фердинанд II дал обещание даровать Неаполитанскому королевству конституцию скрепя сердце и только после того, как посредством иных уступок не смог усмирить народ²¹. Под воздействием испуга согласились на демократические конституции и прусский король с австрийским императором²². Ранее упомянутое намерение Александра I принять конституцию, по мнению мыслителя, также было обусловлено сомнением в прочности искусственной машины граненых штыков и чиненых перьев²³. Это же сомнение закралось и у Николая I, который в 1829 г. поручал особому секретному комитету составить новое уложение. Как скорбно-иронично замечает Герцен, «ссылая с жесткостью трусости и неспокойной совестью на каторжную работу за либеральное слово, за смелый стих, самодержцы, на всякий случай, сами втихомолку заказывают проекты»²⁴.

Магическое воздействие слова «конституция» настолько велико, что вся Франция рукоплескала даже конституции VIII года, которая, согласно взглядам мыслителя, представляла собой «организованный деспотизм»²⁵.

Вместе с тем из политического учения Герцена следует, что сам по себе факт дарования конституции не гарантирует подавления народного недовольства. Если уподобить народ телу, подобно тому как Томас Гоббс проводил аналогию между телом человека и государством, а конституцию — корпии, как их сравнивал Герцен²⁶, то можно сказать, что значение принятия конституции для народа будет зависеть от глубины раны, нанесенной ему государством, и уровня его сознания. Нанесение ран приводит к тому, что тело кровоточит независимо от умственного развития его носителя. И если

¹⁴ Там же. С. 40.

¹⁵ Герцен А.И. Собрание сочинений в тридцати томах. Т. 14. М., 1958. С. 351.

¹⁶ Герцен А.И. Собрание сочинений в тридцати томах. Т. 16. М., 1959. С. 49.

¹⁷ Герцен А.И. Собрание сочинений в тридцати томах. Т. 13. М., 1957. С. 44.

¹⁸ Там же. С. 41.

¹⁹ Герцен А.И. Собрание сочинений в тридцати томах. Т. 15. М., 1955. С. 238.

²⁰ Герцен А.И. Собрание сочинений в тридцати томах. Т. 16. М., 1959. С. 125.

²¹ Герцен А.И. Собрание сочинений в тридцати томах. Т. 5. М., 1955. С. 345.

²² Там же. С. 167.

²³ Герцен А.И. Собрание сочинений в тридцати томах. Т. 14. М., 1958. С. 350.

²⁴ Там же.

²⁵ Герцен А.И. Собрание сочинений в тридцати томах. Т. 5. М., 1955. С. 175.

²⁶ Герцен А.И. Собрание сочинений в тридцати томах. Т. 17. М., 1959. С. 72.

конституция способна приостановить несильное кровотоечение, то она бессильна в случае глубоких ран. Конституция, дарованная народу, подвергнувшись со стороны государства опустошительному разбою, прочувствовавшему силу государственной реакции, по опыту узнавшему, что такое диеты и камеры, по мнению мыслителя, подобна горчице, подача которой после ужина никого не удовлетворяет²⁷, игрушке, о которой человек мечтал, будучи ребенком²⁸. Если же сознание народа достигло развития, необходимого для участия в политических вопросах, то он не будет удовлетворен принятием

конституции, поскольку понимает, что бессмысленно ограничивать власть, которая не нужна вовсе. Так, давая оценку конституции, принятой в 1848 г. Прием IX, Герцен заключает, что она доказала возможность конституционного папы в то время, как мир стал догадываться, что никакого папы не нужно²⁹. Поэтому, согласно взглядам мыслителя, худшее для властных институтов из того, что может узнать человек, — это то, что они больше не нужны³⁰.

²⁷ Там же.

²⁸ Герцен А.И. Собрание сочинений в тридцати томах. Т. 6. М., 1955. С. 74.

²⁹ Герцен А.И. Собрание сочинений в тридцати томах. Т. 5. М., 1955. С. 293.

³⁰ Герцен А.И. Собрание сочинений в тридцати томах. Т. 15. М., 1958. С. 197.

Литература

1. Герцен А.И. Собрание сочинений. В 30 томах / А.И. Герцен ; главный редактор В.П. Волгин. Т. 5. Письма из Франции и Италии. 1847–1852 / редактор Е.В. Тарле ; комментарий Н.Е. Застенкер. Москва : Изд-во Академии Наук СССР, 1955. 510 с.
2. Герцен А.И. Собрание сочинений. В 30 томах / А.И. Герцен ; главный редактор В.П. Волгин. Т. 6. С того берега; Статьи; Долг прежде всего. Повесть; 1847–1851 / редактор Я.Е. Эльсберг. Москва : Изд-во Академии Наук СССР, 1955. 547 с.
3. Герцен А.И. Собрание сочинений. В 30 томах / А.И. Герцен ; главный редактор В.П. Волгин. Т. 12. Произведения 1852–1857 годов / редактор В.А. Путинцев ; комментарий Л.Я. Гинзбург. Москва : Изд-во Академии Наук СССР, 1957. 531 с.
4. Герцен А.И. Собрание сочинений. В 30 томах / А.И. Герцен ; главный редактор В.П. Волгин. Т. 13. Статьи из «Колокола» и другие произведения 1857–1858 годов / редактор Б.П. Козьмин ; примечание Л.Р. Ланского. Москва : Изд-во Академии Наук СССР, 1957. 805 с.
5. Герцен А.И. Собрание сочинений. В 30 томах / А.И. Герцен ; главный редактор В.П. Волгин. Т. 14. Статьи из «Колокола» и другие произведения 1859–1860 годов / редактор Ю.Г. Оксман ; комментарий Г.Н. Антоновой [и др.]. Москва : Изд-во Академии Наук СССР, 1958. 691 с.
6. Герцен А.И. Собрание сочинений. В 30 томах / А.И. Герцен ; главный редактор В.П. Волгин. Т. 15. Статьи из «Колокола» и другие произведения 1861 года / редактор Ю.Г. Оксман ; комментарий Г.Н. Антоновой [и др.]. Москва : Изд-во Академии Наук СССР, 1958. 490 с.
7. Герцен А.И. Собрание сочинений. В 30 томах / А.И. Герцен ; главный редактор В.П. Волгин. Т. 16. Статьи из «Колокола» и другие произведения 1862–1863 годов / редактор Я.Е. Эльсберг ; комментарий И.М. Белявской и Э.С. Виленской. Москва : Изд-во Академии Наук СССР, 1959. 523 с.
8. Герцен А.И. Собрание сочинений. В 30 томах / А.И. Герцен ; главный редактор В.П. Волгин. Т. 17. Статьи из «Колокола» и другие произведения 1863 года / редактор В.А. Путинцев и И.Ю. Твердохлебов ; текст подготовлен Ф.М. Иоффе ; комментарий И.М. Белявской и С.Д. Лицинер. Москва : Изд-во Академии Наук СССР, 1959. 535 с.
9. Герцен А.И. Собрание сочинений. В 30 томах / А.И. Герцен ; главный редактор В.П. Волгин. Т. 19. Статьи из «Колокола» и другие произведения 1866–1867 годов / редактор Ю.Г. Оксман и Л.М. Долотова ; комментарий В.Г. Березиной и С.Д. Лицинер. Москва : Изд-во Академии Наук СССР, 1960. 563 с.

Мы в социальных сетях Facebook и Instagram! Анонсы мероприятий, фотоотчеты и свежие новости нашего издательства. Подписывайтесь!

Facebook: <https://www.facebook.com/ig.lawinfo/>
Instagram: <https://www.instagram.com/ig.lawinfo/>

ИДЕЯ ФЕДЕРАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ ПРАВОВЕДА Ф.Ф. КОКОШКИНА

Устинов Александр Вячеславович,
магистрант программы «История, теория и философия права»
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)
avustinov_1@edu.hse.ru

В статье рассматриваются взгляды русского правоведа и политического деятеля Ф.Ф. Кокошкина на построение в России федерации национальностей, основанной на территориальном разделении по национальному признаку. В революционные годы идея федерации национальностей пользовалась наибольшей поддержкой в вопросе переустройства Российского государства, однако Кокошкин не был сторонником данного пути развития России. Он полагал, что в национально-территориальной федерации невозможно построить целостное гражданское общество, поскольку в нем неизбежно возникновение межнациональных конфликтов, ведущих к распаду государства.

Ключевые слова: децентрализация, федерация, национально-территориальная федерация, федерация национальностей, либерализм, Ф.Ф. Кокошкин, революция в России.

The Idea of a Federation of Nationalities of Law Scientist F.F. Kokoshkin

Ustinov Aleksandr V.
Graduate Student of the Master's Educational Program History, Theory and Philosophy
of Law of the National Research University
Higher School of Economics (NRU HSE)

The article examines the views of the Russian lawyer and politician F.F. Kokoshkin on the possibility of building a federation of nationalities in Russia. In the revolutionary years, the idea of a federation of nationalities enjoyed the greatest support in the issue of restructuring the Russian state, but Kokoshkin was not a supporter of this path of development of Russia. He believed that it was impossible to build an integral civil society in a national-territorial federation, since the emergence of interethnic conflicts leading to the collapse of the state was inevitable in it.

Keywords: decentralization, federation, national-territorial federation, federation of nationalities, liberalism, F.F. Kokoshkin, revolution in Russia.

Происшедшие в России в начале XX века конституционные преобразования обусловили вектор развития государства и права, а также потребовали переосмысления проблемы государственного устройства.

Потребность в таком переосмыслении существовала по объективным причинам, поскольку, несмотря на унитарное устройство России того времени, различные географические условия, национальный состав населения и связанные с этим особенности не позволяли характеризовать его как единое целое. Это подтверждалось опытом централизованной политики и применяемых в ходе ее проведения принудительных мер, которые лишь усугубили и без того существующую разрозненность внутри общества¹.

В этой связи наибольший интерес к проблеме переустройства России пришелся на революционные годы. Одной из центральных фигур,

занимавшихся разработкой модели государственного устройства России в тот переломный для нее период, был выдающийся русский правоведа, общественный и политический деятель Федор Федорович Кокошкин (1871–1918), взгляды которого во многом опережали время и впоследствии нашли свое подтверждение на практике.

На мировоззрение Ф.Ф. Кокошкина, совершенствовавшего свои познания в ведущих университетах Европы и принимавшего активное участие в деятельности организаций либерального толка, кардинальным образом оказали влияние события первой русской революции. Именно тогда он начал переосмыслять государственно-правовую жизнь России, в частности, начал затрагивать проблему децентрализации. Русский историк А.А. Кизеветтер вспоминал, что присущие Кокошкину развитое чувство общественно-го и гражданского долга, пылкий темперамент борца «вспыхнули в его душе с неудержимой силой, лишь только он соприкоснулся с начавшимся

¹ Кокошкин Ф.Ф. О правах национальностей и о децентрализации. М., 1906. С. 4.

^{*} Подготовка данной публикации была осуществлена в рамках деятельности проектной группы «Интеллектуальная история права: от идей к институтам» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в 2020 г.

политическим движением, которое вскоре охватило всю Россию»².

Одним из ключевых трудов Ф.Ф. Кокошкина является доклад 1906 года «О правах национальностей и о децентрализации». Именно эта работа выступает отправной точкой в размышлениях правоведа о возможном устройстве Российского государства, которые развивались вплоть до его смерти в 1918 году.

Ф.Ф. Кокошкин последовательно развивал идею установления областной автономии, которая обеспечила бы национальную и местную самостоятельность отдельным частям государства. Прежде всего, по мнению правоведа, такая необходимость прослеживалась в Царстве Польском, которое являлось единой в национальном и социально-культурном смысле составной частью государства. Он подчеркивал, что насильственное подчинение какой-либо части населения государства политическому порядку, который не отвечает ее потребностям и целям, является не только ошибочным, но и невыгодным³. По своей сущности областная автономия являлась «высшей ступенью развития местного самоуправления», которая имела целью перенести определенную часть государственных функций из центра на места.

В вопросе переустройства государства правоведа уделял внимание двум взаимосвязанным вопросам, а именно национальному вопросу и вопросу децентрализации. Между тем Ф.Ф. Кокошкин считал, что их не следует смешивать, поскольку в Российском государстве необходимость в децентрализации была обусловлена не только ее многонациональным населением, но и многими иными факторами отдельных территорий, включая географические, экономические и социально-культурные.

Тем не менее в тот период времени в широких кругах закрепились позиции, что эти вопросы тождественны. Это нашло свое отражение в «федерации национальностей», то есть федеративное государство, основанное на территориальном разделении по национальному признаку. Подобная концепция еще во второй половине XIX века развивалась А.И. Герценом, Н.Г. Чернышевским. В дальнейшем идея национально-территориальной федерации поддерживалась народнической революционной организацией «Черный передел», партией социалистов-революционеров, партией народных социалистов и другими. Планы учреждения национально-территориальной федерации разрабатывались и на окраинах империи, в частности, литовскими социал-демократами, украинской федеративно-демократической партией, латышскими и закавказскими сторонниками федерализации России⁴.

Ф.Ф. Кокошкин не был сторонником набирающей обороты идеи «федерации национальностей», считая ее лежащей «вне области практической политики»⁵. Он считал, что начало федеративное и начало национальное не только не тождественны, но и при определенной последовательности своего развития могут вступить в ожесточенную конфронтацию между собой⁶. Действительно, между федерализмом и национальным вопросом имеются существенные расхождения, которые наиболее резко могли бы выразиться в России.

Обосновывая данную точку зрения, Кокошкин в одном из своих трудов «Автономия и Федерация» сперва рассматривает зарубежную практику и демонстрирует, что в мире отсутствуют государства с федеративным устройством, которые были бы образованы по национальному признаку. В частности, правоведа приводит в пример Швейцарию — федеративное государства с многонациональным населением, в котором разделение на кантоны не совпадает с разделением на национальности⁷. Также в качестве примеров приведены США, Южно-Африканская федерация. Подобные примеры не являются случайными ввиду наличия причин, объективно препятствующих возможности создания федеративно-национального государства, которые наиболее отчетливо прослеживаются на примере России.

Одной из корневых причин, которая создавала препятствия для проведения в России децентрализации в форме федерации на национальных началах, являлась неравномерность численности всех национальностей, входящих в состав России, а также неравномерность занимаемых ими территорий. Федеративное устройство государства подразумевает примерное равенство ее составных частей. В России не было соответствующих условий. В связи с этим Кокошкин задавался следующим вопросом: «Какова могла бы быть такая русская федерация, построенная на национальных началах?»⁸. Правоведа полагал, что она бы состояла из Великороссии с населением около 80 миллионов человек, Украины с населением примерно в 25–30 миллионов человек, а также из средних и мелких национальностей. Причем численность представителей некоторых мелких национальностей насчитывала всего лишь несколько сотен тысяч человек.

В связи с этим возникает вопрос о компетенции, которая принадлежала бы составным частям такой федерации. Кокошкин считал, что компетенция может быть предоставлена либо широко по образцу государственной автономии, либо узко по образцу провинциальной автономии. Однако в обоих случаях возникли бы непреодолимые

² Памяти погибших : сб. статей. Париж, 1929. С. 16.

³ Кокошкин Ф.Ф. О правах национальностей и о децентрализации. М., 1906. С. 4.

⁴ См.: Шульженко Ю.А. Из истории федерации в России (монархический период). М., 2005. С. 81–84.

⁵ Шелохаев В.В. Либерализм в России в начале XX века. М., 2018. С. 136.

⁶ Кокошкин Ф.Ф. Автономия и федерация. Пг., 1917. С. 5.

⁷ Там же. С. 6.

⁸ Там же. С. 7.

сложности. Если пойти по пути предоставления узкой компетенции по образцу провинциальной автономии, то в этом случае возникнут проблемы с крупными национальностями. В самом деле, сложно представить, чтобы, к примеру, Украина со своим многомиллионным населением, превышающая по своей населенности Испанию, занималась бы только решением хозяйственно-культурной жизни своей территории, но при этом не участвовала бы в решении первоочередных политических вопросов. Подобный расклад вылился бы в крайнюю форму централизации в самой Украине. Если функции не самая высшая, а средняя и низшая, были бы сосредоточены в руках центрального органа Украины, то тогда все составные части ее будут подчинены обезличивающему централистскому режиму, и основная задача федеративного устройства государства — децентрализация — не будет достигнута. Наблюдалось бы, по мнению правоведа, обратное: во второстепенных задачах Кубанская область, к примеру, которую украинцы-автономисты считают входящей в Украину, и, с другой стороны, украинская часть Бессарабии были бы подчинены одним и тем же нормам и управлению⁹. Подобная ситуация, но с большим масштабом наблюдалась бы и в Великороссии.

Если склониться в пользу государственной автономии, то есть широкой компетенции составных частей федерации, то полномочия центральной власти были бы сведены практически к нулевой отметке. Множество ключевых политических функций государства отошли бы к ведению крупных автономий. Помимо этого, пришлось бы широкую компетенцию распространить на представителей малочисленной национальности, занимающих небольшую часть территории. К примеру, молдаване в Бессарабии претендовали бы на такие же функции, которые имеют и другие национальности. В результате этого Россия оказалась бы разбитой на множество крупных и мелких частей, в которых важнейшие функции государства осуществлялись бы независимо от центра¹⁰.

Рассматривался правоведем также вариант неравного предоставления компетенции. Это означало предоставление крупным национальностям широкой компетенции, а для мелких национальностей, соответственно, узкой компетенции. В этом случае не представлялось бы возможным организовать общегосударственный парламент, поскольку это привело бы к лишению мелких национальностей возможности решать самостоятельно собственные дела, то есть доминированию над ними крупных национальностей.

Также Кокошкин в федеративном устройстве государства выделял еще одну проблему, ввиду которой попытки организовать федерацию с разделением по национальностям оказываются затруднительными. Одна из таковых заключается

в организации участия составных частей государства в осуществлении центральной власти. Данное участие реализуется в федерациях с помощью создания второй палаты в парламенте, в которой заседают представители составных частей¹¹. Причем по общему правилу они имеют равное число голосов. Именно в этом заключаются гарантии прав составных частей федеративного государства. В качестве примера Федор Федорович Кокошкин приводит США. Если воспроизводить подобную модель федеративного устройства в России, то возникает проблема, связанная с возможностью предоставления равного числа голосов в соответствующей палате отдельным национальностям. Кокошкин считал неправильным, чтобы в вопросах решения ключевых государственных задач восьмидесятимиллионный великорусский народ имел такое же число голосов, как, к примеру, национальность численностью в несколько сотен тысяч. Такая федерация изначально была бы обречена на провал¹².

Некоторые, как утверждал правоведа, не согласились бы с этим суждением и привели бы пример Германии, где составные ее части не имеют равного количества голосов. Между тем в Германии такое возможно по нескольким причинам. Во-первых, в силу национального единства, то есть вопрос о взаимодействии различных национальностей не возникал. Во-вторых, Германская федерация была образована на началах гегемонии Пруссии, то есть в ней изначально не существовало равенства составных частей. В России образовать главенство Великороссии или, к примеру, объединенное главенство Великороссии и Украины над другими национальностями не представлялось возможным¹³.

Сторонники национально-территориальной автономии заявляли о возможности частичной реализации концепции, которая бы проявлялась в ее применении лишь к некоторым национальностям, а в отношении других частей Российского государства было бы реализовано территориальное разделение в зависимости от экономических, местных и иных факторов¹⁴. Между тем многочисленная великорусская национальность выступала бы преградой для воплощения данной идеи, поскольку в таком случае она была бы разделена и распалась на множество автономных образований, а остальные национальности объединены. Кокошкин считал, что при таком стечении обстоятельств принцип национально-территориальной автономии проводился бы практически в отношении всех национальностей, кроме наиболее многочисленной — великорусской¹⁵. По его мнению, данная идея являлась не только невыполнимой, но и

⁹ Кокошкин Ф.Ф. Автономия и федерация. Пг., 1917. С. 7.

¹⁰ Кокошкин Ф.Ф. Автономия и федерация. Пг., 1917. С. 8.

¹¹ Там же. С. 11.

¹² Кокошкин Ф.Ф. Автономия и федерация. Пг., 1917. С. 12.

¹³ Там же. С. 12.

¹⁴ Там же. С. 13.

¹⁵ Там же. С. 14.

противоречивой. Несмотря на отсутствие выраженных национальных настроений у великорусской национальности, в случае переустройства государства подобным образом определенные национальные устремления, безусловно, возникли бы и у них, что, в свою очередь, неизбежно привело бы к межнациональным конфликтам.

Таким образом, «федерация национальностей» не пользовалась поддержкой Ф.Ф. Кокошкина. Из его взглядов следовало, что в национально-территориальной федерации невозможно построить целостное гражданское общество, поскольку в нем неизбежно возникновение межнациональных конфликтов, ведущих к распаду государства. Тем не менее правовед твердо был уверен в необходимости совершения первых шагов по пути децентрализации. Важно при этом отметить, что он

не отрицал возможности построения федерации в будущем. Более того, правовед утверждал, что федеративная русская республика является не только целью, к которой должна стремиться Россия, но и его идеалом¹⁶.

Взгляды Ф.Ф. Кокошкина относительно «федерации национальностей» подтвердились, поскольку Советское государство, будучи федерацией, построенной на основе национального разделения, распалось, в том числе ввиду межнациональных столкновений и формирования национальных движений. Декабрьские события в Алма-Ате, Карабахский конфликт, народные фронты в Прибалтике и многие другие конфликты в конечном счете вылились в «парад суверенитетов».

¹⁶ Кокошкин Ф.Ф. Автономия и федерация. Пг., 1917. С. 24.

Литература

1. Кокошкин Ф.Ф. Автономия и федерация / Ф.Ф. Кокошкин. Петроград : Партия нар. свободы, 1917. 30 с.
2. Кокошкин Ф.Ф. О правах национальностей и о децентрализации : доклад Бюро съезду земских и городских деятелей 12–15 сентября 1905 года : постановления съезда / Ф.Ф. Кокошкин. Москва : Тип. Г. Лиснера и Д. Собко, 1906. 47 с.
3. Памяти погибших : сборник статей / под редакцией: Н.И. Астрова, В.Ф. Зеелера, П.Н. Милюкова [и др.]. Париж : [б.и.], 1929. 231 с.
4. Шелохаев В.В. Либерализм в России в начале XX века : монография / В.В. Шелохаев. Москва : РОССПЭН, 2019. 502 с.
5. Шульженко Ю.А. Из истории федерации в России (монархический период) : монография / Ю.А. Шульженко. Москва : Ин-т государства и права РАН, 2005. 173 с.

Редакционная политика Объединенной редакции «Издательская группа «Юрист»» запрещает:

1. Самоплагиат. В случае, если элементы научной статьи ранее были опубликованы, в том числе и в журналах «Издательской группы «Юрист»», автор обязан сослаться на ранее опубликованную работу. Дословное копирование собственных работ и их перефразирование не допускается, они могут быть использованы только в качестве основы для новых выводов.
2. Дословное копирование более 10 процентов работы другого лица без указания его авторства, ссылки на источник и использования кавычек.
3. Некорректное перефразирование произведения другого лица, при котором было изменено более одного предложения в рамках одного параграфа или раздела текста, либо предложения были расположены в ином порядке без соответствующей ссылки на источник. Существенное некорректное перефразирование (более 10 процентов оригинальной работы) без ссылки на источник приравнивается к дословному копированию.
4. Использование составных частей произведения другого лица без указания авторства, например, абзаца, рисунка или таблицы без указания ссылки на источник или использования кавычек.

ПРЕСЛЕДОВАНИЯ И ДИСКРИМИНАЦИЯ ХРИСТИАН НА ПРИМЕРЕ ПАКИСТАНА*

Сафонов Дмитрий Владимирович,
священник, исполнительный секретарь
Межрелигиозного Совета России,
кандидат исторических наук,
кандидат богословия
interrel.council@yandex.ru

В статье в контексте проблемы религиозной свободы (а последняя, как известно, является важной составной частью гражданского общества) рассматривается проблематика, связанная с положением христиан в Пакистане, где регулярно фиксируются случаи преследования и дискриминации религиозных меньшинств, в первую очередь христиан.

Ключевые слова: ислам, христианство, религиозная свобода, межрелигиозный диалог, Пакистан.

Prosecution and Discrimination of the Christians on the Example of Pakistan

Safonov Dmitriy V.
Priest, Executive Secretary of the Interreligious Council of Russia
PhD (History), PhD (Theology)

In the context of the problem of religious freedom, the article examines the problems related to the situation of Christians in Pakistan, where cases of persecution and discrimination of religious minorities, primarily Christians, are regularly recorded.

Keywords: Islam, Christianity, Sophia, religious freedom, interfaith dialogue.

Российская ассоциация религиозной свободы уделяет проблеме положения христиан в Пакистане и ряде других стран региона особое внимание, ежедневно публикуя на своем сайте¹ мониторинги, в которых данная тема последовательно освещается.

В законодательство Пакистана в 1987 году были добавлены статьи 295-В и 295-С о богохульстве, предполагающие смертную казнь для тех, кто осквернит ислам, Коран или Мухаммада. Этим законом некоторые мусульмане охотно злоупотребляют для шантажа и давления на христиан. С тех пор число обвинений в богохульстве резко возросло. В период с 1987 по 2017 год в богохульстве были обвинены 1534 человека. Из них 829 обвинений (54%) были выдвинуты против религиозных меньшинств. Христиане составляют всего 1,6% от общей численности населения Пакистана, а обвинений, выдвинутых против христиан, непропорционально много — 238 (15,5%).

В результате христианская община живет на правах людей второго сорта, претерпевая насилие со стороны довольно сильно радикализованного мусульманского большинства². РАРС регулярно сообщает о случаях дискриминации христиан

в Пакистане³. В Пакистане широко распространены ложные обвинения в богохульстве⁴, часто мотивированные личной мстостью или религиозной ненавистью. Обвинения носят крайне подстрекательский характер и могут спровоцировать самосуд толпы, убийства и массовые протесты.

До мирового сообщества зачастую доходят лишь самые вопиющие случаи. Назовем некоторые из них.

Гонимое пакистанское христианство ассоциируется чаще всего с именем Асии Биби (Асии Норин). Она родилась в 1971 году в провинции Пенджаб. Исповедует католицизм. Замужем, воспитывает пятерых детей (трое из которых от первого брака мужа). В родной деревне муж и дети Асии Биби были единственными христианами, другие жители-мусульмане постоянно склоняли их к принятию ислама⁵.

¹ См.: сайт РАРС. URL: <https://religsvoboda.ru/>

² Pakistan. URL: <https://www.opendoorsusa.org/christian-persecution/world-watch-list/pakistan/> (дата обращения: 22.08.2020).

³ См., напр.: URL: <https://religsvoboda1.wixsite.com/religsvoboda/news/tag/%D0%9F%D0%B0%D0%BA%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD> (дата обращения: 22.08.2020).

⁴ См.: Сафонов Д. Сотрудничество религиозных организаций, общественных институтов, государств в защите гонимых христиан на Ближнем Востоке // Межрелигиозный диалог и его роль в деле защиты христиан Ближнего Востока и Северной Африки от преследований: сб. науч. ст. / под ред. священника Д. Сафонова. М.: Познание, 2017. С. 37–55; Smith S. Pakistan sentences Christian man to death over allegation he sent blasphemous texts // The Christian Post. 2020. 11 September.

⁵ Сафонов Д.В. Инициативы Московского Патриархата, направленные на защиту преследуемых христиан Ближнего

* Материал публикуется по заказу общероссийской общественной организации «Российская ассоциация защиты религиозных свобод». При реализации проекта используются средства гранта Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества, предоставленного Фондом президентских грантов.

В 2009 году Асия Биби выпила воды из колодца, что привело к конфликту с мусульманками, обвинившими ее в осквернении колодца. Спор с соседкой приобрел религиозный оттенок, после прозвучавших оскорблений в адрес Христа Асия Биби позволила себе несколько негативных высказываний о Мухаммаде и Коране.

Спустя несколько дней на Асию Биби и ее семью напала разъяренная мусульманская толпа, а группа мусульманок во главе с имамом подали на нее в суд, обвинив в богохульстве. А. Биби была заключена под стражу и почти год содержалась в тюрьме без всякого суда и следствия. В 2010 году местный суд приговорил ее к смертной казни через повешение по обвинению в нарушении закона о богохульстве (статья 295 С). Все это время Асия Биби содержалась в крошечной одиночной камере без окон, что нанесло серьезный вред ее здоровью. При этом по стране началась кампания против нее, некий радикальный религиозный деятель предложил немалую награду тому, кто сможет убить христианку. Ряд видных мусульманских лидеров Пакистана публично пригрозили руководству страны, что в случае помилования А. Биби они поднимут народные волнения по всему Пакистану. Семья А. Биби была вынуждена прятаться из сообщений безопасности.

Дело А. Биби вызвало большой резонанс во всем мире. До этого не было ни одного случая осужденной смертной казни женщины за «богохульство». Бывший министр по делам меньшинств Пакистан Ш. Бхатти заступался за христианку и рекомендовал ее освободить, выступал против закона о богохульстве, и был убит в марте 2011 года. Немного ранее был убит и губернатор Пенджаба Салман Тасир, выступивший против преследования Асии Биби. В конце 2010 года он заявлял, что тогдашний президент Зардари помиловал христианку, даже если Верховный суд отклонит ее апелляцию.

В ноябре 2010 года Папа Бенедикт XVI публично призвал к помилованию А. Биби. По всему миру проводились марши в поддержку христианки, активисты собирали подписи под петициями о помиловании. В борьбу за участь А. Биби был активно вовлечен католический архиепископ Исламабада Руфин Энтони. Папа Римский Франциск принимал у себя семью Асии Биби.

Суд Лахора в ноябре 2011 года подтвердил обвинительный вердикт, однако защита христианки подала апелляцию. Слушания по ней откладывались более 15 раз, в итоге 16 октября 2014 года апелляция была отклонена. Затем защита подала апелляцию в вышестоящую инстанцию — Верховный суд Пакистана. Здесь процесс также затягивался, насколько это возможно.

31 октября 2014 года Святейший Патриарх Кирилл направил обращение к президенту Исламской

Востока // Христианство на Ближнем Востоке. 2017. № 1. С. 5–11.

Республики Пакистан Мамнуну Хусейну с просьбой о помиловании Асии Биби. В письме указывалось: «Казнь А. Биби не только станет невозполнимой утратой для ее семьи, родных и близких, но и нанесет огромный урон мусульманско-христианскому диалогу, может стать толчком к усилению напряженности между христианами и мусульманами как в Пакистане, так и во всем мире»⁶. Впоследствии в адрес Предстоятеля Русской Православной Церкви от европейских христиан поступили многочисленные открытки с благодарностями.

25 ноября 2014 года Европарламент принял резолюцию в защиту Асии Биби, в которой осудил использование закона о богохульстве, убийства и преследования всех защитников христианки, призвал к ужесточению контроля за соблюдением прав человека в Пакистане.

Начиная с 2015 года и до последнего времени Верховный суд постоянно откладывал рассмотрение апелляции. 8 октября 2018 года стало известно о назначении даты судебных слушаний. Мусульманская общественность Пакистана, узнав о возможном оправдании Асии Биби, начала волнения по всей стране, требуя ее казни.

31 октября 2018 года суд вынес христианке оправдательный приговор, ссылаясь на то, что ее обвинители первые оскорбили религиозные чувства Асии Биби, Христа, почитаемого в исламе как пророка, и Священное Писание, которое признается священными книгами, предвозвестившими Коран, и в исламе. Кроме того, судьи посчитали, что зачинщицы ссоры нарушили Фирман Мухаммада, который он даровал синайскому монастырю св. Екатерины в VII веке. В документе, заверенном рукой Мухаммада и считающимся в исламе авторитетным источником, христианам гарантируется неприкосновенность, свобода обряда и налоговые льготы. Также судьи подвергли сомнению достоверность ряда заявлений обвинителей.

Удовлетворение приговором выразили, помимо христианских правозащитных организаций, высокие представители ООН, Комиссии по свободе вероисповедания США, премьер Великобритании.

Ночью 7 ноября 2018 года Асия Биби была освобождена пакистанскими властями из тюрьмы в Мултани и, находясь под защитой силовых структур, села на самолет, вылетевший в неизвестном направлении.

Изначально медиа распространили информацию о том, что Асия Биби покинула страну, однако власти настаивали на ее местонахождении в пределах государства в безопасном убежище.

РАРС со ссылкой на западные СМИ сообщил в мониторинге религиозной свободы в мире за февраль 2019 года, что Асия Биби не может покинуть Пакистан, несмотря на окончательное решение

⁶ Сафонов Д.В., Кашицын И.Д. Современные преследования христиан и деятельность Русской Православной Церкви в их защиту // Сретенский сборник. Научные труды преподавателей СДС. 2017. № 7–8. С. 451–498.

Верховного суда, подтвердившее оправдательный приговор, и тот факт, что ей было предложено убежище в Канаде⁷. С мая 2019 года Биби проживает в Канаде, в 2020 она попросила убежище во Франции.

В сентябре 2020 года весь мир узнал имя Асифа Первеза, 37-летнего пакистанского христианина, приговоренного к смертной казни якобы за отправку богохульных текстовых сообщений в 2013 году.

8 сентября 2020 года адвокат, представляющий Первеза в суде Саиф-уль-Малук, написал в своем Твиттере: «Асиф Первез приговорен к смертной казни судом первой инстанции в Лахоре за совершение богохульства, хотя таких доказательств не было». Решение суда было вынесено почти через семь лет после того, как в октябре 2013 года коллега Первеза, Саид Ахмед Хокар, мусульманин по вероисповеданию, выдвинул против него первоначальное обвинение в богохульстве.

По словам семьи Первеза, Первез и Хокар были сотрудниками швейной фабрики Shami Textile в Лахоре. На работе Хокар часто давил на Первеза, чтобы тот принял ислам, но Первез отказывался. Как сообщается, до 2 октября 2013 года Первез потерял SIM-карту своего мобильного телефона и не просил компанию оператора деактивировать ее. По словам семьи Первеза, Хокар, найдя потерянную SIM-карту, использовал ее для отправки богохульных текстовых сообщений, которые и предоставил 2 октября 2013 года в качестве обвинения против Первеза⁸. Все три были предъявлены Первезу в полицейском участке Грин-Тауна в Лахоре. Узнав об обвинениях, Первез скрылся. После недели поисков Первеза, 9 октября полиция арестовала его родственников, в том числе двух шуринов и его мать Назим Ахтар. По словам Ахтар, полицейские сказали ей, что если она не поможет им найти ее сына, то они убьют его, когда найдут. Ахтар привела полицию к дому Васима Анвара, брата Первеза. Васима избивали до тех пор, пока он не раскрыл им, где спрятан Первез. 10 октября 2013 года Первез был арестован полицией в Сахивале. Адвокат Первеза Малук, защищавший ранее Асию Биби, подал апелляцию в Верховный суд, отметив, что «до сих пор суд еще не оправдал никого, обвиненного в богохульстве»⁹.

Руководитель местного отделения International Christian Concern Уильям Старк сказал: «Мы опечалены решением суда приговорить Асифа Первеза к смертной казни в соответствии с законами о богохульстве. Мы особенно обеспокоены тем, что смертный приговор был вынесен без каких-либо доказательств, подтверждающих обвинение Асифа

в богохульстве. Злоупотребление пакистанскими законами о богохульстве должно быть пресечено, а ложные обвинения должны быть искоренены и наказаны. Слишком часто эти законы становились инструментом в руках экстремистов, стремящихся разжечь религиозно-мотивированное насилие в отношении общин меньшинств».

В сентябре 2020 года Асия Биби в интервью организации Kirche in Not («Помощь церкви в нужде») призвала премьер-министра Пакистана защитить преследуемое христианское меньшинство страны. Биби особо подчеркнула страдания христианских девушек, которых похищают, насильно выдают замуж и обращают в ислам. Согласно исследованию, проведенному в 2014 году пакистанским движением «За солидарность и Мир», такое происходит с около 1000 женщин и девочек из индуистских и христианских общин Пакистана каждый год¹⁰. Вопрос религии также часто вставляется в дела о насилии, чтобы поставить жертв из общин религиозных меньшинств в невыгодное положение. Преступники знают, что они могут скрыть и оправдать свои преступления, введя элемент религии.

Случаи дискриминации, похищения и насилия над христианами в Пакистане происходят очень часто. В рейтинге World Watch List самых опасных для христиан стран Пакистан находится на 5 месте (был на 4 месте в 2017 году). Все христиане страдают от узаконенной дискриминации, они считаются гражданами второго сорта. Работа, которая считается грязной и унижительной, «зарезервирована» властями для христиан¹¹. Многие христиане крайне бедны, некоторые — жертвы кабального труда. Есть и христиане среднего класса, но это не спасает их от маргинализации или преследований. Кроме того, законы страны о борьбе с богохульством непропорционально широко применяются против христианского меньшинства, что затрудняет и делает опасным публичное исповедание своей веры.

В настоящее время в Пакистане по обвинению в богохульстве в тюрьмы заключены 25 христиан, в том числе Асиф Первез.

Сообщения о нарушениях прав христиан в Пакистане носят массовый характер. 2 июня 2020 года в Пакистане был арестован христианин Анвар Масих. Он был обвинен своими родственниками в оскорблении ислама. В начале августа 2020 года парикмахерская в Лахоре, владельцами которой были христиане, была разграблена за то, что в ней игралась христианская музыка и висели христианские символы¹²; в конце августа, после того как в канализации одного района были обнаружены страницы Корана, арестовали христианина, живущего в этом

⁷ URL: <https://www1.cbn.com/cbnnews/cwn/2019/february/report-pakistani-authorities-stopping-asia-bibi-from-leaving-country-despite-asylum-offer> (дата обращения: 22.08.2020).

⁸ URL: <https://www.persecution.org/2020/09/08/pakistani-christian-sentenced-death-allegedly-sending-blasphemous-text-messages-2013/> (дата обращения: 22.08.2020).

⁹ URL: <https://www.christianpost.com/news/christian-man-sentenced-to-death-in-pakistan-on-accusation-he-sent-blasphemous-texts.html> (дата обращения: 22.08.2020).

¹⁰ URL: <https://www.persecution.org/2020/09/11/asia-bibi-calls-pakistans-prime-minister-protect-persecuted-christians/> (дата обращения: 22.08.2020).

¹¹ URL: <https://www.opendoorsusa.org/christian-persecution/world-watch-list/pakistan/> (дата обращения: 22.08.2020).

¹² URL: <https://www.persecution.org/2020/09/02/barbershop-pakistan-ransacked-playing-christian-music-portraying-christian-symbols/> (дата обращения: 22.08.2020).

районе¹³. Продолжаются массовые похищения христианских девочек и девушек для насильственного замужества после обращения в ислам. Обращает на себя внимание, что судебная система Пакистана в последние годы все чаще встает на защиту христианок. 1 марта 2020 года мусульманская толпа в ходе нападения тяжело ранила троих христиан за попытку построить церковь¹⁴. Тем временем в Лахоре осуждены на смерть за богохульство христиане — семейная пара католиков¹⁵.

¹³ URL: <https://www.persecution.org/2020/09/01/pakistani-christian-arrested-blasphemy-pages-quran-discovered-drain/>

¹⁴ Two Christians Shot in Pakistan While Attempting to Construct New Church. URL: <https://www.persecution.org/2020/03/01/two-christians-shot-pakistan-attempting-construct-new-church/> (дата обращения: 22.08.2020).

¹⁵ ASIA/PAKISTAN — Christian couple sentenced to death for blasphemy: appeal verdict in April. URL: <http://fides.org/en/>

Так, 31 августа 2020 года, согласно мониторингу РАРС, Высокий суд Лахора приказал полиции Пакистана обеспечить безопасность 14-летней христианской девочки Майры Шахбаз. Христианка была похищена и насильно выдана замуж за мусульманина 28 апреля 2020 года¹⁶. Только широкий общественный резонанс в мире, регулярный мониторинг ситуации с правами христиан в Пакистане и иные меры международного воздействия дают некоторую надежду на положительную динамику с правами христиан в Пакистане.

news/67480-ASIA_PAKISTAN_Christian_couple_sentenced_to_death_for_blasphemy_appeal_verdict_in_April (дата обращения: 22.02.2020).

¹⁶ URL: <https://religsvoboda.ru/kratko/pakistanskaya-policiya-obespechit-bezopasnost-hristianskoy-devochki> (дата обращения: 22.08.2020).

Литература

1. Сафонов Д. Сотрудничество религиозных организаций, общественных институтов, государств в защите гонимых христиан на Ближнем Востоке / Д. Сафонов // Межрелигиозный диалог и его роль в деле защиты христиан Ближнего Востока и Северной Африки от преследований : сборник научных статей / под редакцией священника Д. Сафонова. Москва : Познание, 2017. С. 37–55.
2. Сафонов Д.В. Инициативы Московского Патриархата, направленные на защиту преследуемых христиан Ближнего Востока / Д.В. Сафонов // Христианство на Ближнем Востоке. 2017. № 1. С. 5–11.
3. Сафонов Д.В. Современные преследования христиан и деятельность Русской Православной Церкви в их защиту / Д.В. Сафонов, И.Д. Кашицын // Сретенский сборник. Научные труды преподавателей СДС. 2017. № 7–8. С. 451–498.

References

4. Smith S. Pakistan sentences Christian man to death over allegation he sent blasphemous texts / S. Smith // The Christian Post. 2020. 11 September.

Уважаемые авторы!

Сообщаем о возможности присвоения DOI ранее опубликованным или планируемым к публикации статьям в наших журналах!

По всем вопросам, связанным с присвоением DOI вашим статьям, просим обращаться по адресу электронной почты: ig@lawinfo.ru, с пометкой «DOI для статьи».

РЕЛИГИОЗНОЕ ВОСПИТАНИЕ ОСУЖДЕННЫХ В МЕЖДУНАРОДНЫХ СТАНДАРТАХ И НАЦИОНАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ

Попова Елена Эдуардовна,
доцент кафедры уголовного права
Российского государственного университета правосудия,
кандидат юридических наук, доцент
anatelsvetjen@mail.ru

Статья посвящена анализу международных стандартов и уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации в сфере реализации права на свободу совести и вероисповедания. Выявлена совместимость норм национального права Российской Федерации с положениями международных стандартов. Автор обращает внимание, что происходит расширение не только функций религиозных объединений по взаимодействию с уголовно-исполнительной системой РФ, но и введение новых форм такого взаимодействия, которые пока только обозначены на уровне международного законодательства и не в полной мере нашли терминологическое закрепление и правовое регулирование в национальном законодательстве РФ.

Ключевые слова: уголовное наказание, осужденный, религиозные организации, религиозное воспитание, общественные организации, уголовно-исполнительная система, международные стандарты.

Religious Education of the Convicts in the International Standards and National Laws of Russia

Popova Elena E.
Associate Professor of the Department of Criminal Law
of the Russian State University of Justice
PhD (Law), Associate Professor

The article is devoted to the analysis of international standards and criminal-executive legislation of the Russian Federation in the implementation of the right to freedom of conscience and religion. The compatibility of the Russian Federation's national law with the provisions of international standards has been revealed. The author draws attention to the fact that there is an expansion not only of the functions of religious associations in interaction with the criminal-executive system of the Russian Federation, but also the introduction of new forms of such interaction, which are only marked at the level of international legislation and have not fully the terminological consolidation and legal regulation in the national legislation of the Russian Federation.

Keywords: criminal punishment, convicted, religious organizations, religious education, social organizations, criminal-executive system, international standards.

Активное участие представителей религиозных организаций в исправительном процессе уголовно-исполнительной системы России (УИС), реализация осужденными свободы совести и вероисповедания отражают современный уровень взаимодействия ФСИН России с религиозными и общественными организациями. Акцент этой работы делается на духовно-нравственное воспитание осужденных и окормление их представителями Русской Православной Церкви и других религий в соответствии с заключенными договорами, повышение социально-правового статуса священнослужителей.

Духовное воспитание особенно актуально для осужденных, отбывающих уголовные наказания, поскольку они в большинстве своем уже пренебрегли не только нормами закона, но и общепринятыми нормами поведения, нарушили религиозные заповеди (не убий, не укради, не прелюбодействуй и т.д.). Отсюда восстановление и возрождение у них духовных (моральных, этических, культурных,

нравственных и т.п.) начал является важной задачей в процессе их исправления. Взаимодействуя с уголовно-исполнительной системой, «священнослужители должны возрождать в душе заключенного религиозное чувство, через которое возможно обратить человека к общечеловеческим морально-нравственным ценностям, которые проповедают традиционные религии России»¹.

Духовно-нравственное воспитание осужденных, осуществляемое представителями духовенства, выступает, с одной стороны, одним из направлений воспитательной работы, реализуемой сотрудниками УИС, а с другой стороны, самостоятельным направлением деятельности религиозной организации. Важное значение в современных условиях приобретает правовое регулирование этой

¹ Скоморох О. Теология образования в духовно-нравственном воспитании и профилактике религиозного экстремизма у осужденных в учреждениях уголовно-исполнительной системы России // Теология и образование. 2018. № 1. С. 496.

деятельности, особенно когда усиливается влияние радикального экстремизма, религиозного терроризма, радикальных форм псевдорелигиозных учений. Необходимо понимать, что противодействие законопослушному поведению осужденных могут оказывать адепты, зачастую специально попавшие в исправительные учреждения, которые образуют вокруг себя группы последователей, ориентированные на совершение преступлений террористического характера как в своей стране, так и в местах военных действий совместно с отрядами боевиков. Поэтому такая работа с осужденными находит все большее признание не только на национальном, но и на международном уровне.

Минимальные стандартные правила ООН в отношении обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделы) — документ международного права, который направлен на реализацию в национальном законодательстве «общепринятых достижений в области обращения с заключенными»² и уже в первых положениях закрепляет принцип запрета на дискриминацию осужденных по религиозным убеждениям, а также право уважения религиозных убеждений и моральных установок заключенных (правило 2). Данное положение соответствует: нормам Всеобщей декларации прав человека 1948 года, которая провозглашает независимость религиозных убеждений человека (ст. 2), закрепляет право на свободу совести и религии, исповедовать свои убеждения как единолично, так и сообща, право менять религию (ст. 18)³; положениям Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года, где устанавливается запрет дискриминации по религиозному признаку (ст. 14), запрет религиозных ограничений, за исключением обеспечения интересов общественной безопасности⁴; Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 года, который вводит обязательства для государств — подписантов обеспечения прав независимо от религиозных убеждений в пределах национальной юрисдикции (ст. 2), запрет на умаление свободы религиозного выбора (ст. 18)⁵. Последовательное закрепление в меж-

дународных документах права на свободу совести и свободу вероисповедания, признание права человека на религиозные убеждения и мировоззрение позволили обеспечить гарантии этих прав для лиц, отбывающих уголовные наказания.

В Правилах Манделы выделена отдельная самостоятельная глава «Религия», которая аккумулировала ряд положений, предусматривающих взаимодействие пенитенциарных систем с представителями духовенства. В ней признается необходимость такой работы с осужденными на регулярной основе, создание соответствующих условий для ее реализации, в том числе обеспечения преемственности религиозного воспитания за счет закрепления постоянного священнослужителя, личного влияния на осужденного посредством проведения личных встреч и бесед на религиозные темы (Правила 65–66). Прогрессивными положениями Правил является расширение форм взаимодействия представителей религиозных организаций с осужденными, к которым относятся религиозное обслуживание (Правило 92), религиозное воспитание как направление образования (Правило 104), духовная помощь (Правило 3).

Духовно-нравственное воспитание признается Конституцией РФ как ведущая задача, обеспечивающая государственное единство посредством сохранения памяти предков, передавшим через поколения идеалы и веру в Бога, преемственность в развитии России⁶. Уголовно-исполнительное законодательство России конкретизирует положения международных актов. Так, статьей 14 УИК РФ определяется порядок реализации права осужденных на свободу совести и свободу вероисповедания. Закрепляются положения об обязательной регистрации религиозных объединений, в установленном законе порядке, снимаются ограничения количества встреч с осужденными, отбывающими наказание в виде ареста, принудительных работ и лишения свободы с сохранением времени их продолжительности (не более 2 часов), определяются правила взаимодействия представителей духовенства с учреждениями уголовно-исполнительной системы посредством заключения Соглашений о взаимодействии ФСИН России и территориальных органов уголовно-исполнительной системы с зарегистрированными религиозными организациями⁷. Так, например, «Соглашение о взаимодействии между Управлением ФСИН России по городу Москве

² Минимальные стандартные правила ООН в отношении обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделы), принятые Резолюцией Генеральной Ассамблеи 70/175 17 декабря 2015 г. // Официальный сайт Организации Объединенных Наций. URL: https://www.unodc.org/documents/justice-and-prison-reform/Nelson_Mandela_Rules-R-ebook.pdf

³ Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 13.05.2004) (вместе с Протоколом № 1 (подписан в г. Париже 20.03.1952), Протоколом № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней (подписан в г. Страсбурге 16.09.1963), Протоколом № 7 (подписан в г. Страсбурге 22.11.1984)) // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Международный пакт о гражданских и политических правах (принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

⁷ Приказ Минюста России от 21 марта 2016 г. № 67 «Об утверждении Требований к содержанию соглашений о взаимодействии ФСИН России и территориальных органов уголовно-исполнительной системы с зарегистрированными в установленном порядке централизованными организациями» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2016. № 19.

и Московской городской епархией» включает не только посещение подозреваемых, обвиняемых и осужденных, но и духовно-пастырскую заботу о них, помощь в вопросах ресоциализации и социальной адаптации после освобождения и выхода на свободу, а также в преодолении религиозного радикализма, экстремизма и угроз терроризма в местах лишения свободы и др.⁸

Анализ международных правовых актов и законодательства РФ показал их совместимость в

⁸ Соглашение о взаимодействии между УФСИН России по городу Москве и Московской городской епархией Русской Православной Церкви // Официальный информационный ресурс Синодального отдела Московского Патриархата по тюремному служению. URL: http://anastasia-uz.ru/news/soglashenie_o_vzaimodejstvii_mezhdu_ufsin_rossii_po_gorodu_moskve_i_moskovskoj_gorodskoj_eparkhiej_russkoj_pra-voslavnoj_cerkvi/2019-06-01-24089

реализации права на свободу совести и свободу вероисповедания. Вместе с тем мы становимся свидетелями расширения не только функций религиозных объединений по взаимодействию с уголовно-исполнительной системой РФ, но и введение новых форм такого взаимодействия, которые пока только обозначены на уровне международного законодательства и не в полной мере нашли терминологическое закрепление и правовое регулирование в национальном законодательстве РФ. Требуют дальнейшей научной и правовой разработки понятия «религиозное образование», «религиозное воспитание», «духовная помощь», «религиозное обслуживание». Предпринимаемые шаги в этой сфере будут работать на развитие и совершенствование уголовно-исполнительного и иных отраслей законодательства, регулирующие правовое отношения в рассматриваемой сфере.

Литература

1. Попова Е.Э. Привлечение представителей религиозных организаций к исправительной работе с осужденными за преступления экстремистской и террористической направленности / Е.Э. Попова // Деструктивное влияние террора на политическую систему и правовую среду Российского государства : материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Москва, 11 ноября 2016 г.) : сборник научных статей / под редакцией О.И. Чердакова. Москва : Международный юридический ин-т, 2017. С. 341–347.
2. Скоморох О. Теология образования в духовно-нравственном воспитании и профилактике религиозного экстремизма у осужденных в учреждениях уголовно-исполнительной системы России / О. Скоморох // Теология и образование. 2018. № 1. С. 494–500.

Издательская группа «Юрист» продолжает подписку на комплект «Библиотека юридического вуза»

Уважаемые читатели!

Предлагаем вам оформить подписку на комплект «Библиотека юридического вуза». В комплект входят следующие издания:

- Арбитражный и гражданский процесс
- Гражданское право
- Информационное право
- История государства и права
- Конституционное и муниципальное право
- Международное публичное и частное право
- Семейное и жилищное право
- Трудовое право в России и за рубежом
- Финансовое право
- Юридическое образование и наука
- Юрист

С условиями подписки рекомендуем ознакомиться на сайте ИГ «Юрист»: www.lawinfo.ru в разделе «Подписка».

Наш адрес:

115035, г. Москва, Космодамианская набережная, д. 26/55, стр. 7.

Памятка авторам

1. Материалы представляются в электронном виде (в формате Word 7.0 или поздней версии) на электронный адрес редакции: avtor@lawinfo.ru (текст — через 1,5 интервала, кегль шрифта — 14, с подписью автора на последней странице; сноски сквозные, обозначенные арабскими цифрами, оформленные в соответствии с действующим ГОСТом). Объем материала не должен превышать 10 страниц, что соответствует 20 000 знаков (с учетом сносок и пробелов; далее — Статья).

Опубликованные ранее или предложенные в несколько журналов материалы к рассмотрению не принимаются.

2. По запросу автор получает информацию о статусе его Статьи.

3. Договор о предоставлении автором интеллектуальных прав на Статью заключается в порядке, приведенном в разделе «Редакционная политика ИГ Юрист» по адресу: <http://lawinfo.ru/for-authors/policy/>. Перед направлением в редакцию Статьи просим обязательно ознакомиться с требованиями, приведенными в разделе «Редакционная политика ИГ Юрист». Статьи, направленные в редакцию с нарушением указанных требований, к рассмотрению не принимаются.

4. Статья должна содержать следующие элементы в соответствии с требованиями журнала:

- а) название на русском и английском языках;
- б) сведения об авторе: фамилия, имя, отчество (в развернутом виде), должность, место работы, ученая степень, ученое звание на русском и английском языках;
- в) аннотацию на русском и английском языках;
- г) ключевые слова на русском и английском языках;
- д) служебный адрес, актуальный адрес электронной почты для опубликования в журнале;
- е) контактный номер телефона.

5. Кроме того, автор представляет только на русском языке пристатейный библиографический список (этот список составляется в алфавитном порядке из названий научных источников, приведенных в ссылках по тексту статьи). Пристатейный библиографический список содержится непосредственно в тексте рукописи.

Библиографический список должен содержать полную информацию об издании, на которое идет ссылка, в том числе:

- для периодических изданий: автор, наименование материала, наименование журнала, год, номер, диапазон страниц;
- для книг: автор, наименование, город, издательство, год, общее количество страниц;
- для электронного источника (кроме ссылки) необходимо указать: автора, наименование материала, дату обращения;
- нормативно-правовые акты не отображаются в списке литературы (только в сносках).

Данные, представляемые в редакцию в соответствии с настоящим пунктом, будут размещены в РИНЦ.

6. Просим авторов перед отправлением Статьи проверить текст в системе Антиплагиат, подписать отчет и направить в редакцию. Минимальный процент оригинального авторского текста должен быть не ниже 75%.

7. Статьи аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук дополнительно подписываются научным руководителем/консультантом.

8. Статьи, не соответствующие указанным в настоящем объявлении требованиям, к рассмотрению и рецензированию не принимаются.

9. Просим авторов тщательно проверять перед отправкой в журнал общую орфографию Статей, а также правильность написания соответствующих юридических терминов и наличие необходимой информации.

**При возникновении вопросов, связанных с оформлением материалов,
можно обращаться в редакцию**

по телефону: 8(495) 953-91-08 или по e-mail: avtor@lawinfo.ru

Адрес редакции: 115035, г. Москва, Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7

Уважаемые коллеги!

Вышел в свет ежегодный сборник «Научные труды РАЮН», выпуск 20. В сборнике опубликованы доклады участников по итогам XX Международной научно-практической конференции «Права и обязанности гражданина и публичной власти: поиск баланса интересов», организованной Юридическим факультетом Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Российской академией юридических наук, Московским государственным юридическим университетом имени О.Е. Кутафина, Московским отделением Ассоциации юристов России, при участии органов законодательной, исполнительной и судебной власти, общественных объединений юристов, юридических вузов и научных учреждений права, которая состоялась в Москве 26–29 ноября 2019 года.

Сборник содержит следующие разделы:

- Теория и история государства и права. История правовых и политических учений
- Конституционное и муниципальное право
- Административное право. Финансовое право
- Международное право
- Гражданское право. Семейное право
- Гражданский и арбитражный процесс
- Информационное право
- Право интеллектуальной собственности
- Предпринимательское право
- Трудовое право. Право социального обеспечения
- Природоресурсное право. Экологическое право
- Уголовное право. Криминология. Уголовно-исполнительное право
- Уголовный процесс. Прокурорский надзор
- Судебная экспертиза. Криминалистика. Оперативно-разыскная деятельность
- Адвокатская практика

Сборник предназначен для преподавателей, научных сотрудников, аспирантов, студентов юридических вузов.

С полной версией сборника можно ознакомиться на сайте Издательской группы «Юрист» в разделе «Книги» и в электронной библиотеке научных публикаций РИНЦ.

узнать статус своей статьи

Уважаемые авторы, Вы можете в режиме реального времени получать информацию о статусе статей, направленных для опубликования в Издательскую группу «Юрист».

Для этого необходимо направить с Вашего электронного адреса, который Вы указывали в качестве контактного e-mail, письмо на autor-rq@lawinfo.ru, в теме письма должна быть указана только фамилия, без имени, отчества и других знаков. И через 30 минут Ваш запрос будет обработан и на почту поступит информация о статьях.

■ Обращаем Ваше внимание, что адрес для запроса статуса статей отличается от контактного электронного адреса редакции. Автор может узнать статус только своих статей, направив запрос со своего электронного адреса.

ПРИМЕР:

Автор статьи Иванов С.П. направляет письмо-запрос на электронный адрес: autor-rq@lawinfo.ru, в теме письма указывает только: Иванов

Отправить	От ▾	ivanov@mail.ru
	Кому...	autor-rq@lawinfo.ru
	Копид...	
	Тема:	Иванов